Жандарм. На пороге двадцатого века

Автор:
Андрей Саликов

Жандарм. На пороге двадцатого века

Андрей Саликов

Жандарм #2Наши там (Центрполиграф)

Конец XIX – начало XX века, гигантский скачок в науке, когда казалось, что романы Жюля Верна вот-вот воплотятся в жизнь. Но Его Величество Капитал уже вышел из тени, диктуя свои правила. Передел мира практически закончился, остался лишь Китай, который нарезали на ломтики европейские державы. Приняла в этом участие и Россия. Слова «КВЖД», «Маньчжурия» и «Квантуй» были у всех на слуху. Только командир батальона осназа знал, что вскоре грянет буря, которая сметёт всё построенное с таким трудом, а спустя три года родина потерпит унизительное поражение. Но наш современник, волею судьбы оказавшийся в прошлом, с этим не согласен. «Делай, что должен, и будь что будет!» – вот его девиз!

Андрей Саликов

Жандарм. На пороге двадцатого века

Самоубийству белой расы посвящается

Глава 1

1

– Кажется, подъезжаем, Сергей Петрович, – радостно произнес поручик Потапов, мой адъютант (а для не многих посвящённых начальник моей же охраны), выглядывая в окно.

– Похоже, вот и пристань. Да, прибыли, – подытожил я, и, словно подтверждая мои слова, поезд, и так еле-еле плетущийся, начал останавливаться. Послышался скрип тормозов, и вагон качнуло, пара рывков, а затем он замер. – Пойдёмте, Дмитрий Александрович, – обратился я к стоящему рядом Потапову. – Сразу отправьте посыльных найти проводников Курта Генриховича.

– Слушаюсь.

Харбин встретил нас теплом. Хотя середина апреля, и по заверениям бывалых путешественников должно быть прохладно. И простыть можно очень легко, коварное солнышко и лёгкий ветерок сделают это незаметно. Болеть я не планировал и надел тёплую парку, ничего, пар костей не ломит. Поверх надеваю портупею, вместо штатной «селёдки» подвешиваю штык-нож и кобуру с маузером. Как хорошо на твёрдой земле! Сомневаетесь? Тогда прокатитесь из Питера до Харбина через почитай всю Россию-матушку. Сразу захотите ножками-ножками. Да, впечатлила меня «манжурка», это так здесь все называют КВЖД, такую дорогу отгрохать! Нет, пока своими собственными глазами не увидишь, не поймёшь. За два года! ОХРЕНЕТЬ! И это без механизации, ну откуда она возьмётся в начале XX века? И ведь даже Хинган преодолели, вспомнив его туннели, лишь восхищённо качнул я головой. И всё это лысый Кукурузник спустит в сортир, мл…ь, клоун. Что-то я опять разнервничался…

Достаю портсигар, он у меня простой, без всяких финтифлюшек, типа каменьев, эмали, гравировок. Серебряный, а не золотой. Не из жадности или бедности. Просто смысла нет мне носить разные «статусные» вещи. Когда каждый второгильдийский купчина так и норовит показать то часики золотые от Павла Буре, то монструозного вида портмоне (у кого с деньгами не ахти), поневоле приходится дистанцироваться. Ну а для Петровского дворянства я всё равно

остался выскочкой, этаким парвеню. Про старую знать… это даже не смешно. Вот и посудите сами, прав я или нет. Да что говорить, когда всё это продолжается без малого около двадцати лет, поневоле начинаешь на всё смотреть другими глазами. Утилитарно. И ко всему прочему, выкинь папиросы, промой, и готов обеззараживатель, ну да это так, один чёрт не оценят, дикари-с.

Что-то я отвлёкся… Так вот, папироса. Дунуть, смять гильзу, огонёк спички… Лепота. Первая затяжка после долгого перерыва. Её не может испортить даже дым от паровоза. Вращающиеся вокруг эшелона китайцы со своими товарами так и не решились «на приступ». Нет, решительно табак здесь продают настоящий. Не элитный, конечно, но тоже весьма не плох.

Позвольте представиться, подполковник Отдельного Корпуса Жандармов (все с большой буквы) Дроздов Сергей Петрович. Это так сказать витрина, а вот за ней… за ней классическое двойное дно. Родился я в конце XX века, да-да, именно так, в один далеко не лучший день в моей жизни я оказался в прошлом, причём мне ещё относительно повезло – в правление Александра Второго Освободителя, после 61 года. Какой-то умник сказал, мол, времена не выбирают, угу, его бы сюда, посмотрел бы я на него. Попал я благодаря везению и благоприятному стечению обстоятельств в корпус, а там уже сам карьеру начал делать. И довольно успешно, вышел в штаб-офицеры и в данный момент являюсь командиром отдельного батальона осназа, овеянного жуткой славой. Как нас только не называли либералы. Убийцы, кровавые чудовища и тому подобное. Но мне понравилась одна статья. В ней малоизвестный журналист довольно правдиво описал нашу часть и сравнил нас с католическими орденами, иезуитами и доминиканцами, назвав имперскими псами. Особого резонанса статья не вызвала. Отсутствие в ней пикантных подробностей о батальоне заранее обрекло её на неудачу. Напоминание же о его участии в последней войне вызвало неприятие не только интеллигенции, но и большого количества военных. Увы, но в газетах поголовно печатали очередные байки, как мы всех вешали и расстреливали. Ладно, Бог с ними.

Как я здесь очутился? Очень просто. Батальон убрали с глаз долой после одной грязной (ну, грязной с точки зрения местных аристократов) истории. Плюс интриги в высших сферах, где разменной монетой бывают фигуры гораздо весомей меня. Влезать в этот террариум не хотелось, но, как говорится, положение обязывает – будешь сидеть, хм, ровно, сожрут и не поморщатся, а потому пришлось играть в меру своих сил и веса. И знаете, получилось на три с плюсом, причём с очень жирным плюсом у меня вышло. Так что батальон начали

учитывать в своих раскладах многие Игроки. Да, именно так, с большой буквы. Ну а история, что ж, если хотите конкретики, то это кончина второго сына императора Александра III Георгия Александровича. Ещё в своём времени я удивился, но не придал значения его смерти, когда читал Пикуля, больше ста лет с тех времён прошло, какие бури над страной пронеслись! Да я ведь как раньше к этому относился? Мол, помер и помер. В одиночестве. Но жизнь нынешняя меня по самую маковку погрузила, так сказать, вглубь произошедшего, и вот ЗДЕСЬ мои суждения и взгляды претерпели изменения. И официальная версия меня устраивать перестала. Ага, блин, позабыт, позаброшен… Третий человек в империи. А, чёрт, нервы, вкус табака стал какой-то кислый.

Добил в две затяжки папиросу. А воспоминания снова вернули меня назад.

Картинки из прошлого. 1896 год

– Ваше высочество, в одиночку вы в Абастумани не поедете, – словно малому дитю, объяснял я Георгию Романову. Тот злился, но пока не посылал наглого жандарма куда подальше. – То, что вы именуете свитой, меня категорически не устраивает. Там до Турции рукой подать.

– Вы думаете, меня захотят похитить? – иронично спросил он. Подполковник, что стоял перед ним, не переставал его удивлять: вот так спокойно спорить с сыном императора… – Это…

– Я не думаю. Есть уложения, циркуляры, устав, наконец. А там прописано, что, сколько и как, – невежливо оборвал я великого князя. Да, молодец во флотском мундире, стоящий передо мной, поставил на себе крест. И уже смирился со скорой кончиной, а потому желал только одного: дабы его все оставили в покое. Да, судьбинушка у него… Ведь и жениться на любимой женщине не разрешили, хотя он официально заявил о готовности отречься от престола. В конце концов, по-моему, жестоко так поступать со смертельно больным человеком. Но мой хороший знакомый из Дворцовой полиции попросил (должок за мной числился, а так хрен пошёл бы) переговорить с его высочеством. И попробовать убедить его взяться за ум и не ограничивать себя парой служивых из данного ведомства, как он хотел. – И поэтому вы поедете с охраной. И не спорьте, можете хоть императору пожаловаться на меня.

– И как вы это себе представляете? – Впервые с начала нашего разговора улыбка тронула его лицо. Только не озорная, а горькая. Георгий Александрович, получивший в последнее время немало жестоких уроков, вынес для себя одну простую истину, что древние римляне были довольно неплохими знатоками человеческих душ или, по крайней мере, тот, кто сказал «человек человеку волк». – Полковник, вы отлично понимаете, что перед вами живой труп. К чему всё это?

– Я давал присягу, – с металлом в голосе ответил я. Мне было просто жаль этого парня. Ведь даже самый тупой лакей в Гатчине знал, что обратно сын императора живым уже не вернётся. И так еле встал, думали, что преставится. – И если лизоблюды, что вокруг вас тёрлись, рванули искать себе новое тёплое местечко, то ко мне это не относится.

– Извините, полковник. – Георгий отвёл глаза. А затем ему на ум пришла одна идея, и он, мысленно показав всем язык… Эх, а всё-таки известный жест куда более уместен был бы. – Просто именно сейчас я многое понял… Хорошо, пусть это будет именно ВАША охрана.

Тут мне, как говорится, поплохело, такой результат беседы меня категорически не устраивал, но было уже поздно.

– Тогда разрешите пару слов вам сказать лично, от себя.

Да, я знал, что в данный момент ступаю на тонкий лёд интриг, где мне не тягаться с местными зубрами (если только не с винтовкой, тогда да, от пули их не спасёт никто), но выхода у меня уже не было. Такое мне не простят, встанут единым фронтом и не успокоятся, пока наглого выскочку не уничтожат. Отсчёт времени уже пошёл: ещё максимум полгода – и батальон расформируют, а меня выкинут на пенсию. А так будет шанс, дохленький, но шанс, что моё имя и батальон упомянут в Высочайшем присутствии. Причём положительно. Что? Подло и низко использовать смертельно больного человека? А не пойти бы всем моралистам куда подальше…

– Слушаю вас, господин полковник. – Георгий ждал, что сейчас к нему в очередной раз обратятся с какой-нибудь просьбой… и он даже огорчился. Хотя все мы люди, а у этого жандармского офицера дела в карьерном плане идут не блестяще.

– Ваше высочество. – «Все мы смертны» хотелось сказать, но в последний момент я прикусил язык, по-другому нужно. – Не стоит опускать руки. – Поймав слегка удивлённый взгляд визави, махнул рукой на дипломатию. – Займитесь делом, нужным и полезным для империи. Да, и вы, и я знаем, что вам, простите за прямоту, недолго осталось. Но это не повод лечь в кровать и завернуться в саван. – Да, такого он явно не ожидал… – Вы же флотский, так трудитесь для него не покладая рук, ну а смерть… Ведь во времена Петра Великого служили пожизненно. Докажите всем, что «небывалое бывает»!

– Хм… – Георгий покачал головой и задумался. Задело. А ведь действительно, прав жандарм, носом его ткнул, словно котёнка. – Небывалое бывает, говорите, полковник? – И бесшабашно улыбнулся, у него на душе стало легко-легко, словно тяжкий груз скинул с плеч. – Давайте…

Разговор оказался очень плодотворным как для него, так и для меня. Я, помня ТУ историю, чётко озвучил наши возможности на Дальнем Востоке, что у нас там есть и чего (и очень многого) нет. Согласившись со мной, что проблемы флота во Владивостоке не решить таким лихим кавалерийским наскоком, Георгий плавно сменил тему на реки. Вот тут он проявил хорошее знание матчасти, в смысле – кораблей, их двигателей, вооружения и всего остального. Две трети терминов я просто не понял, но он заверил, что тут не всё так безнадежно.

– Сергей Петрович, то, что мы не имеем на Амуре нормальные корабли, – это конечно же плохо. Суда, что там в данный момент находятся, при необходимости возможно вооружить. Вот только сие предприятие порочно. – Черканув у себя в записной книжке, он на миг задумался, а затем, решив что-то для себя важное, продолжил: – Придётся за границей заказывать. – Видя моё скисшее лицо, чуть улыбнулся. – У германцев, я тоже не сторонник коварного Альбиона. Да и нынешние союзники… – Договаривать он не стал. Не секрет, что галлы хоть и не показывают, но относятся к нам как к удачно вложенному капиталу, который поможет вернуть им Эльзас и Лотарингию…

С Георгием Романовым я отправил взвод из разведроты, несмотря на его просьбу не посылать с ним половину батальона. Ребята битые и тёртые. Командиром пошёл прапорщик Сергеев, проинструктированный и с моим неофициальным напутствием валить всех, а Бог там уж сам разберётся. Цинично? А вы что хотели? Ибо вместо тихого угасания Георгий Александрович выложился, как говорилось в моём времени, на все сто, ему, на мой неискушённый взгляд, просто некогда было болеть. Он своей волей загонял недуг глубоко внутрь, не

давая ему себя победить. Были поездки не только в Тифлис, но и даже в Петербург, когда господа под «шпицем» попытались мягко саботировать его приказ о быстрейшем принятии кораблей и перегонке их из Второго рейха на Дальний Восток. Тут уже артиллерия РГК в лице императора мигом загнала этих тараканов «под лавку». Но всё имеет предел. В конце концов Георгий, второй сын Александра Третьего, умер, но не как безродный бродяга на руках у случайно набредшей на него молоканки, а у себя в кабинете, лечь в постель он категорически отказался, а врачам сказал, что это ЕГО мостик.

Россия благодаря его энергии получила по-настоящему боевые корабли – в состав флотилии вошли четыре миноносца типа «Або» шихауских верфей. Причём штатные 37-е пушечки были заменены на 2,5-дюймовые орудия Барановского, коих флот имел в больших количествах в качестве десантных. И перевозимые миноноски (как он мне писал – на тебе Боже, что нам негоже) получили по две митральезы. Ставить туда «максимы» он счёл расточительством. И как результат – боевое ядро составило десять кораблей, да были заказаны мониторы (кои наконец получили свои ТТХ), и куча других специальных судов, правда, когда они появятся, никто не знал. И самое, на мой взгляд, главное – судоремонтный завод (построенный под ключ Крампом) во Владивостоке. Мощности, которые собирались поставить в Артуре, туда так и не отправили.

Получив телеграмму от Сергеева о кончине Великого князя, пришлось мне стать чёрным вестником. Царственная чета смирилась и смерть сына встретила стойко.

– Полковник, – император стоял слегка бледный, – кто ТАМ?

– Второй взвод разведроты, ваше величество. Парни обо всём позаботятся.

Мои слова он правильно понял и кивком показал, что аудиенция окончена.

Вся эта титулованная сволочь так и не смогла нам простить того, что ЖАНДАРМЫ стояли у гроба царственного покойника. Недолго. Но пока не был выработан акт похорон, Сергеев так и не допустил к телу армеутов. Хотя «мингрельцы» и попробовали было «пододвинуть» моих парней. Лишь после указа императора они сдали посты.

Харбин. 1900 год

Вот и отправил нас Александр III подальше, дабы не раздражали именитую аристократию (и жену), но не забыл он и «флюгеров», что бросили его сына. Думаю, многие об этом ещё пожалеют, и, несмотря на то что всё-таки сдал (Борки проклятые), ходу им не будет. Уехали мы, правда, из Северной Пальмиры не сирыми и убогими, а очень даже наоборот. У меня в кармане лежит рескрипт, что податель сего… Я не удержался и, вспомнив тёзку императора из моего времени, попросил написать о праве меча и верёвки. Самодержец был очень раздражён и, мстительно улыбаясь, собственноручно написал сей документ, украсив его своим автографом.

Естественно, сыграли роль и прошлогодние события, когда охреневшая (а другого слова и не подберу) студенческая бражка в ответ на предупреждение ректора вести себя прилично освистала его. После, вывалившись из стен альма-матер, устроили столкновение с полицией, но, отведав нагаек, мигом поджали хвост и разбежались. А дальше начались, на мой взгляд, заигрывания с великовозрастными балбесами, когда те играли в революционное движение. Но когда император наконец обратил своё внимание на нестерпимое положение, в котором оказались высшие учебные заведения, то беспорядки были мгновенно и жёстко подавлены. Мой батальон тогда привлекли к арестам и охране задержанных, содержащихся в манеже. Помня Лукьяновку и тот бардак, я лично отправился на «фильтр», где в весьма энергичных выражениях потребовал не путаться под ногами у бывшего тут товарища прокурора. Тот связываться со мной не стал, и мне наконец удалось навести порядок, а не веселое времяпровождение для мажоров. Жалобы, которые впоследствии написали на меня обиженные родители, согласно личному приказу монарха были уничтожены…

Кроме того, цесаревич намекнул, что будет рад, если у меня всё сложится удачно. Этому я нисколько не удивлён, ведь для придворных не секрет, что его супруга Александра Фёдоровна (и тут такое же ФИО у жены наследника) так и не смогла сойтись со своей свекровью. Маменька Николая, женщина властная, попробовала подмять под себя сноху и обломалась. Теперь, как и в прошлой истории, между ними идёт классическая «холодная война». За одним исключением: это не Алиса Гессенская, а именно Елена Орлеанская, похоже, обработала своего Николя насчёт ставшего «бесхозным» жандармского батальона. Первая же давно лежит в могиле… Когда любимая внучка королевы Виктории по приглашению Сергея Александровича должна была приехать в

Россию, то с ней приключилась смертельная неприятность. Лично, передоверить ТАКОЕ я не мог никому, Курт страховал мне спину (хотя, без сомнения, сработал не хуже меня), а то, что она соплюшка… Так произошла ликвидация БИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ. И ДИНАСТИЯ не прервётся, поскольку Мишкин, увы, так и остался обалдуем. Хорошим, добрым, но на роль самодержца не тянул и, самое главное, не ХОТЕЛ им быть… Всё, хватит об этом.

Вообще-то мы здесь находимся (я подразумеваю Россию), как отголосок японо-китайской войны. Шесть лет назад Япония напала на Китай, поскольку выбора у самураев не было: или подыхать от голода (перенаселённость острова просто зашкаливала), или найти соседа, которого можно грабить. Сосед в лице Кореи находился прямо под боком, но тут возникла проблема. Страна утренней свежести была коровой Китая, и он её доил. Намерение островитян присосаться встретило негативную реакцию со стороны руководства Поднебесной. Противоречия между ними были решены на поле боя. Поскольку свою армию правители Поднебесной не кормили, то и результат был плачевный: тяжёлое военное поражение и громадная контрибуция. Японцы получили Формозу, острова Пэнхуледао и Ляодунский полуостров. И Порт-Артур, да-да, тот самый. Симоносекский договор 1895 года, по которому Микадо всё это хапнул (и главное, потребовал для себя привилегии, как и для европейцев!), не понравился Европе. Получился аналог Берлинского конгресса. В результате японцы были вынуждены оставить Квантуй под давлением Франции и Германии. Россия, к моему удивлению (приятному, кстати), что-то проговорила в стиле «давайте всё спокойно обсудим». Маньчжурию собирались оккупировать по-тихому, из архивов извлекли проект железной дороги покойного министра путей сообщения Витте (того самого, хм, убитого террористами БУНДа). И вот она, родимая КВЖД, вбухали в неё 152 тысячи за версту, а их около тысячи четырёхсот. Золотом, заметьте! Дорога проходила не так далеко от границ империи, и это всех успокаивало. Кричать и бить в колокола, мол, люди, опомнитесь… Ну-ну, лавры Кассандры меня, пардон, не прельщают. Да и кто мог предположить, что через пятнадцать лет грянет Первая мировая? И все инвестиции Германии, России и Австрии уплывут в сортир? Потому дорога считалась продолжением Великого сибирского пути.

Всё было хорошо, пока англичане не захватили порт Вэйхавэй в 1898-м, хотя немцы первыми «приватизировали» Циндао, не без нашей помощи кстати. Хотя государыня и чуть не на гов… простите, пена у неё изо рта летела. Правда, на Александра это не произвело особого впечатления. Англичане в своей излюбленной манере прислали корабли, но что немцы, что наши просто забили на «лимонников», и те, обеспокоенные усилением конкурентов и возможностью

опоздать, заняли Вэйхавэй. Вот тут император и закусил удила, у Китая арендовали Порт-Артур и Дальний. Хотя адмирал Дубасов чуть ли не матом указывал на Мазампо, как наиболее подходящее место базирования флота. Но, увы, слишком много тёрлось у трона различных авантюристов, интриганов и различных «филов». За взятку Россия договорилась о долгосрочной аренде, плюс вливания в китайских генералов, в результате нам достались склады военного имущества и большое число крепостных орудий. Великий князь Кирилл Владимирович поднял на Золотой горе Андреевский флаг. Естественно, японцы озверели, в газетах зазвучали призывы к пересмотру мирного договора: как так, им нельзя, а нам можно? Хорошо хоть, туда денег не закачивали, так, минимум, для стоящих там двух отрядов миноносцев и эскадры лёгких крейсеров…

Сейчас я как раз собираю свой батальон. Шли мы тремя эшелонами. Мой зам капитан Курт Генрихович Мейр был отправлен с двумя первыми. Как мне это удалось, лучше никому не знать. Кстати, а где он? На Генриховича не похоже…

– Как вы смеете?! – Возмущённый крик за спиной оборвал мысль, где может находиться Курт.

Оборачиваюсь и вижу забавную картину. Судя по форме, этот субъект из мелкого начальства. И вот его родимого волокут ко мне, «заломив белы рученьки». Нет, заламывать руки ему не собирались, это так, гипербола. Вокруг крутились рабочие, куча китайцев. Патруль охранной стражи, шедший мимо, остановился, но, узрев, что путейцу ничего не грозит, продолжил свой путь.

– Разрешите доложить, – тянется в струнку унтер-офицер Немов. – Саботажник.

– Так-с. И как это понимать, милейший? – небрежно осведомляюсь у железнодорожника. – Отпустите его.

Стрелки, что так невежливо приволокли этого субъекта, отступили на шаг.

– Нет, это как вас понимать? – с ядом спросил тот, всем своим видом показывая, что не желает со мной говорить. – Что вы себе позволяете? Я этого так не оставлю!

– Постойте спокойно и, главное, молча. – М-да, распустили мерзавцев, подумать только, едва коллежского регистратора перерос, а туда же, фрондёр! – Где

проводник? – спросил я у унтера то, что меня наиболее в данный момент интересовало.

– Нету его, вашвысокоблагородь. – Ответ в устах Немова был невероятен. Или наоборот, то, что он не нашёл посыльного Мейра, означает большую… Хм, или, как в объявлениях пишут, «возможны варианты».

– К вам подходил посыльный? – резко спросил я путейца.

– Нет, – ответил тот быстро.

– Чёрт, штабс-капитана Крамаренко ко мне, живо! – И один из конвоиров рванул в конец состава. – Вы известили капитана Мейра о времени прибытия эшелона? – Увидев растерянность путейца, мысленно сплюнул. – Как же так? Мы время теряем! Вы-то отлично знаете, что на дистанции происходит! – Путеец отвёл глаза. Блин, ну до каких пор этот цирк продолжаться будет?! Мелкую гадость считает долгом делать каждый образованный человек! А потом удивляемся, почему злые хунхузы не пойманы, а шастают и режут всех подряд. Да… – Благодарю, пока вы тут в позу встаёте, ваших коллег, возможно, уже убивают.

Я развернулся и пошёл навстречу спешащему Крамаренко. Судя по писку за спиной, этого урода поволокли, чтобы позднее разобраться во всём более подробно.

– Сергей Петрович, выгрузка идёт по плану. – Высоченный штабс-капитан напоминал вставшего на дыбы медведя. И при взгляде на его могучую фигуру всем, не знавшим его, на ум приходило, что это «начальник штурмовиков». Сам Александр Фёдорович лишь посмеивался. Мол, боятся – значит уважают. Выпускник элитного Михайловского артиллерийского училища, он был командиром батареи из шести пушек Барановского.

– Очень хорошо, Александр Фёдорович, сколько времени ещё осталось?

– Минут двадцать.

– У нас проблемы.

Крамаренко вопросительно посмотрел на меня, ожидая разъяснений.

– Нет проводников.

– Надеюсь, они просто заплутали. – Хотя в это ни я, ни Крамаренко не верили. В худшее, а именно в сознательный саботаж путейцев, ему верить не хотелось. Возможно, к ним (да-да, не меньше пяти) привязался какой-то штаб-офицер. Мол, кокарда не блестит, сапоги у нижних чинов не сияют и так далее. По первости и хуже бывало, особенно у рядовых и унтеров, их и на гауптвахту могли забрать. Да и отбуцкать, правда последнее быстро сошло на нет, когда любителей почесать кулаки встречали хмурые и неразговорчивые сослуживцы, быстро выбившие дурь из особо бесшабашных голов. Теперь лишь время потеряем, у армеутов даже негласные соревнования были на предмет, кто лучше, интереснее и дольше задержит жандармские пешие команды. – Всё может быть… – задумчиво протянул комбатр.

– Дай-то бог, обратите внимание на перевозку снарядов. – Отпустив Крамаренко, ещё раз посмотрел на часы. – Дмитрий Александрович, как только прибудут проводники, немедленно пришлите их ко мне, – озадачил я Потапова, уж больно мне хотелось узнать (не откладывая дело в долгий ящик) причину опоздания.

– Есть, – козырнул тот и сразу направился к заведующему воинскими перевозками.

Я оглядел эшелон и пошёл обратно в своё купе. Пора «одеваться». Подвешиваю лопатку, патронные сумки, надеваю ранец, подхватываю карабин. Всё, я готов. На перроне ловлю на себе пренебрежительные взгляды, мол, как можно? Офицер – и такое… Караул, основы рушатся! Угу, а ведь Англо-бурская только-только отгремела, вернее, перешла в фазу партизанской войны, где бурские коммандо ведут безнадёжный бой. Вообще-то, мне по барабану, что потомки голландцев и бритты относятся к остальному миру, словно они господа, а остальные навоз. Кстати, эта заваруха началась раньше, чем в моём мире, и виноваты в этом сами буры. «Папаша» Крюгер решил возложить оборону республик на Второй рейх, публично пообещав кайзеру землицы с золотишком. Вильгельм хотя и любил выспренные выступления, но в этот раз не знал, что и сказать. Хотя его и считали ожившим Скалозубом, я был уверен, что это не более чем одна из его масок. В конце концов он разразился очередной трескучей речью, но вот броненосцы так и остались стоять в Вильгельмсхафенне. Зато «лимонники», очень нервные после Фашоды, мигом перебросили в Кейптаун

просто дикое количество войск и тупо задавили числом. Ибо Виктория приказала потерь не считать. Сказано – сделано, заодно и концлагеря появились. И там как раз и было продемонстрировано и полезность защитного цвета, и умение метко стрелять и окапываться. И джентльмены (для меня это слово синоним бандитов и убийц с утончёнными манерами плюс жуткий трайбализм в голове) не гнушались из дорогущих штуцеров (по качеству на порядок превосходящие обычную винтовку) стрелять по своим противникам и по женщинам с детьми, кстати, тоже, но тут не всё однозначно. И достигли в этом деле больших высот. Это, так сказать, к слову о птичках…

А вот на карабин зеваки смотрят заинтересованно. Даже завистливо. Ну-ну, хотеть не вредно, вредно не хотеть. Просекли, что «родитель» – винтовка Мосина. И возмущение вижу не только во взглядах, но и на лицах проступает. Как так? Такое у жандармов? Ведь армия их не имеет! А вы что думали? Весь батальон ими оснащён. В этом я, так сказать, виновник торжества. Как приняли на вооружение «мосинку», сразу подал рапорт о замене «берданок» на карабин. Угу, рапорт подписали, и получили винтовку «казачью». Столько-то единиц. Сам, конечно, виноват. Недосмотрел, а Курт решил, что так и должно быть. Глядя на длинную «дуру» (метр двести с копейками), являющуюся обычной «драгункой»[1 - Длина всей винтовки – 1234 мм; весит 3895 г. Штык единого с пехотным образца весит 380–385 г.], только без штыка, я матюгнулся. Попытка выбить карабины, по типу маузера, провалилась. Не заказало военное министерство карабины[2 - Исторический факт. Карабин появился лишь в 1907 г.]. Совсем. Совсем, совсем, и мне ещё попеняли, что я ничего не понимаю в современном вооружении. Прошибать стены лбом я не стал, и лесковским Левшой выглядеть в глазах этих дол… придурков не захотел. Плетью обуха, как известно, не перешибёшь. Пришлось переделывать винтовки под себя. Произвести, так сказать, апгрейт. Вот только менять предстояло практически половину.

За основу взяли маузер – ложе, сделали шейку пистолетной формы более удобную. Укоротили ствол, рукоятку затвора удлинили и опустили вниз. Мушку защитили крыльями. Вершиной стал штык-нож, крепящийся на карабине, слизанный у того же маузера. Вот такое получилось «вундерваффе». И не стоит смеяться. Аккуратная и удобная винтовка стала короче на двести мэмэ и легче на целых полкило. Вот только каких мне это трудов и нервов стоило…

По прибытии на Сестрорецкий завод, куда меня отправили для переделки, поначалу попытались меня отфутболить, причём сыпали терминами типа «заднюю бабку непременно надо выставлять, в шпиндель ствол не зайдёт, и

оснастки нет и некогда…». Послушав этот трёп, я попросил документацию на карабин Бердана. Тут эти господа малость задёргались, но требуемое принесли, спросив, в чём, собственно, дело? Но я в еврейском стиле задал им вопрос: мол, какая разница, и сунул им под нос документацию. Меняется всего несколько деталей, какие у них затруднения в переделке?

Убедившись, что заказчик в моём лице разбирается, так сказать, «в предмете», господа инженеры зашли с козырей – как только будет указание свыше, и для ясности ткнули пальцем в потолок (на генералов ГАУ намекая), то они с радостью выполнят столь интересный и важный заказ. Красиво, не спорю, кричать-ругаться-грозить страшными карами бесполезно – они всё сделали по закону. Вот только ухмыляться вам не стоило, именно это повлияло на мои поступки и решения. И вот тогда я не отказал себе в удовольствии побыть Лаврентием Павловичем. Весь их трёп попросил изложить письменно, всё, как положено, с датой и подписями…

Что тут началось! Песня, но теперь моя была, и всё законнейше – ну действительно, не могут на данном заводе делать карабины. Покочевряжились, но пришлось касатикам бумагу написать и печати поставить, и военпреда я припахал к сему делу, в (качестве вишенки) смысле подписи. Как ни сопротивлялся, а пришлось оставить барственную закорючку. И немедля направил рапорт о сём прискорбном событии, правда, при его прочтении у моего начальства возникло ощущение, что им подтёрлись и выкинули. Ну а меня послали куда подальше как душителя свободы. Естественно, господа генералы были возмущены и благосклонно разрешили подложить этим… хм, господам из ГАУ изрядную свинью. Бывшая при корпусе оружейная мастерская получила щедрое вливание и после оного тянула уже на вполне неплохой заводик.

Ознакомившись и подержав в руках полученное оружие, командование озаботилось провести его (со всеми возможными патентами) как карабин жандармский образца 1895 года. О перекошенных мордах как армейцев, так и гражданских, шпаков, умолчу, но их лицезрение доставило всем огромное удовольствие. Меня похвалили и подкинули кое-какие денежки. Я удивился отсутствию небольшого удобного пистолета для жандармских офицеров. Сам отлично помню, что вот-вот бельгийцы должны заказать у великого Мозеса знаменитую модель 1900 года. Получив разрешение, немедля связался с Браунингом на предмет разработки сего девайса. Тот ответил на запрос положительно (о том, как штабс-ротмистр Бережнов это провернул, можно написать весьма интересный авантюрный роман), и в результате на

сегодняшний день на меня оформлена генеральная лицензия на пистолет Браунинга модели 1899 года. Хотя оснастка и специальный инструмент для массовой выделки был изготовлен ещё в конце 1898-го. Признаюсь честно, без помощи его высочества Георгия Александровича не видать мне не только лицензии, но и пистолета. Слишком многие не хотели (особенно господин Наган, хотя и бельгийцы из FN не дремали), чтобы у России появилось производство современного оружия. И кстати, на сегодняшний день уже изготовлено не менее десяти ТЫСЯЧ единиц, а вал заказов только растёт…

А вот и Потапов. И с ним, похоже, потерянные проводники.

– Господин полковник, поручик Свечин. Капитан Мейр назначил меня в качестве сопровождающего, – спокойно рапортует он, словно ничего существенного не произошло.

– Что вас задержало, поручик?

– Ещё один заглоба, – чуть усмехнувшись, ответил тот.

Понимающе кивнул – сие определение стало нарицательным после одного весьма поучительного случая. Когда в очередной раз армеут, для разнообразия не пехтура, а драгун начал «строить» попавшегося ему унтера, то проходивший мимо жандармский офицер вежливо так осведомился, «с чего это пан Заглоба так надрывается?». Поскольку драгун был гонористый, шляхтич в просторечии, то героя трилогии он узнал моментально. Как и то, на что намекал наглый литвин (а это пану как нож в сердце) в лазоревом мундире. Поскольку данный персонаж был чересчур хитрым, точнее, хитроседалищным. Но при нижнем чине он не стал доводить дело до дуэли и, побурчав немного, удалился. А случайно обронённая фраза зажила собственной жизнью…

Как и обещал Крамаренко, уложились в двадцать минут. Ну, тронулись… Направлялись мы, похоже, в Старый город, на окраину. М-да, в Новом нас видеть не желают. Что же, учтём, я не злопамятный. Просто злой, и память отличная. Открывшийся вид меня поразил, а господа офицеры, сотворившие это чудо, заслужили ящик «шустовского» коньяка, и это как минимум. Все постройки приятно радовали глаз, казармы-блокгаузы (не много), арсенал, хрустальная мечта. Построенные на скорую руку бараки и главный жилой фонд – землянки для нас уже были готовы, тут постаралась инженерно-сапёрная рота капитана

Извольского. Откуда она, спросите вы? Просто для НАС, у армейцев, почему-то сапёров нет. Ну и, соответственно, нет и различного имущества и материалов, и чёрта с два построишь простую землянку, про остальное молчу. Вот и создали роту, нашлись и офицеры, и унтеры, и нижние чины. Все прошли вначале действительную службу (это касается двух последних категорий). А найти офицеров проблемы особой не было. Место под строительство городка нам выделили в «чистой» половине, наверняка соседи, состоятельные китайцы-христиане подсуетились, поскольку при любых заварушках всегда находились желающие пограбить богатого соседа. А к ним местные имели особые счёты. Надо уточнить у Курта, он наверняка уже удочки туда закинул.

– Аве Цезарь, – устало поприветствовал меня Курт, едва я вошёл в канцелярию.

– Это вместо здравствуйте? Оригинально. – Знаю друга и по совместительству зама пару десятков лет. Тот был мрачен. – Что случилось?

– Вот сводка, – протянул он листки бумаги и закурил. – Только что местные прислали.

Едва начав читать, я мысленно выругался. Началось. Гиринский цзяньцзюнь[3 - Аналог губернатора.] Чан Шунь сообщал, что крупные отряды «боксёров» появились на его территории. Заверяя русское руководство в своей лояльности, он предложил совместно разбить повстанцев.

– Завтра собираем весь местный истеблишмент. – Пора наводить здесь хоть какой-то порядок. – А пока нанесём визит в штаб охранной стражи. Они обстановку лучше нас знают.

Нет, не быть мне кавалеристом, хоть и научился ездить в седле, но всё равно, для меня это экзотика, несмотря на двадцатилетний стаж. Хочется авто, пусть примитивного, но для меня такого родного. У здания охранной стражи спешиваюсь, денщик привычно подхватывает поводья, а я легко взлетаю по ступенькам. Перед кабинетом главного начальника расположился, по-другому и не скажешь, массивный стол. На нём возвышался телефон, своей монументальностью напоминая скорее пульт космической связи.

Находившийся за столом штабс-капитан попросил обождать и направился доложить о моём визите.

– Господин полковник, вас ждут. – А с другой стороны, что хотел? Они хоть и считаются как бы в отставке, но фактически с действительной службы не уходили.

– …Вы уверены, господин полковник? – Милейший Александр Алексеевич смотрит на меня с лёгким превосходством. Мол, мы здесь давно, а вот вы только прибыли и уже всё знаете.

Хм, не спорю, просто ещё в своём времени мне попался на глаза боевой путь «Корейца». И там как раз и было очень хорошее описание штурма форта Дату. Так что в восстании я был уверен на все сто процентов. Вот только местное начальство считало, что всё само образуется.

– Абсолютно. – Вот только железобетонных доказательств у меня нет, с печатями и подписями китайской стороны.

– Что ж, вам видней, – явно сворачивает беседу полковник Гернгросс.

– Всего наилучшего, – сухо прощаюсь.

Его понять можно, мысленно он в России, где ему вручат генеральские погоны. Но и плохого слова о нём не скажешь, служба у него поставлена толково, есть чему поучиться.

– Всего доброго, – точно таким же тоном отвечает он.

Интересно, а голова у наших начальников только для того, чтобы шляпу носить? И ещё они туда едят… Грустно и убого. Славный город Харбин, столица, можно сказать, КВЖД, к обороне была не готова. Абсолютно. Хотя «боксёры» вовсю орут, что собираются вырезать всех «белых дьяволов». Похоже, предстоит Баязет номер два, хотя какой к чертям… тут и аналог подобрать трудно. В правлении КВЖД, куда я собрал всё местное руководство, шло муторное (другого слова и не подберёшь) совещание. Вот и сейчас мне по надцатому кругу твердят – как можно, мы местные старожилы, как там… я все мели знаю, вот первая!

– Господин подполковник. – Будущий генерал и начальник дороги, сейчас командовавший батальоном, куда включили всё мужское военнообязанное население, не собирался подчиняться мне как старшему по команде (педалируя на разницу в чинах). – У нас в Харбине все имеют оружие, окраина, как-никак, шалят…

– Хватит, господин полковник. – Миндальничать с этим оратором я не собирался. – И не стоит так нервничать. Всё. У вас два дня, чтобы привести ваше так называемое ополчение в божий вид. Иначе вы будете отстранены от командования.

– Да я… – Хорват налился краской.

– Молчать! – рявкаю свистящим от ярости голосом. – Вы и так просрали всё, что можно. Попробуете вредить, так до Сахалина не так далеко, ясно? Свободны. – Хватая ртом воздух, тот, пошатываясь, выходит из комнаты. – Теперь вы, милейшие градостроители, – перевёл я взгляд на вальяжно сидевших до этого момента гражданских чиновников. Югович, только недавно назначенный главным инженером, явно проникся выволочкой, устроенной мной только что. За прошлые дела его и наказывать нельзя, но, как известно, в таких случаях бьют, а уже потом разбираются. – О ваших делах разговор впереди. Кто доживёт… – От моей ухмылки они здорово напряглись.

– По какому праву… – начал было один из путейцев.

– Заткнись, – «ласково» посоветовал я тому. – Для тех, кто ещё не понял. Вот-вот китайцы начнут мятеж. И не только беднота, но и регулярные части. Город беззащитен – как против регулярных войск, так и против банд ихэтуаней. Причём по вашей вине, господа, и не надо говорить, что «мы не умеем строить люнеты, форты, редуты и прочие сооружения». Не надо, простейшие заграждения из дерева вам вполне доступны. А о рвах и говорить не хочется. Потому вы пойдёте в окопы, КОГДА, а не если сюда доберутся китайцы. Да-да, господа, и я, так уж и быть, выделю каждому по берданке с патронами. Дабы вы смогли сами защитить ваших близких.

– Но можно отправить семьи в Россию, – проблеял зам Юговича.

– Нет уж, все семьи останутся здесь. А вы, господа, на своей шкуре почувствуете всю «прелесть» осады. Можете прочитать Пушкина, там это хорошо описано. А насчёт права… – Я достал императорский рескрипт. – Ознакомьтесь…

– А вы не переусердствовали, Сергей Петрович? – поинтересовался ротмистр Дуббельт, когда мы отъехали от правления.

– Хм, Афанасий Михайлович, – начал я, стараясь сдержать переполнявшие меня эмоции. Смотря на тридцатилетнего ротмистра, мне стало ещё тяжелей. – Неужели вы не поняли, нас сейчас будут убивать. Всех – мужчин, женщин, детей. Им без разницы. А эти… Пусть и до них дойдёт хоть что-то.

– Вы всерьёз собираетесь отправить их в цепь? – удивился он.

– Такими вещами не шутят. Они уже взяты под стражу. – Видя недоумение ротмистра, мне пришлось пояснить: – Я отдал этот приказ ещё до начала совещания.

Немая сцена. Чёрт возьми, как точно этот момент охарактеризовал Николай Васильевич!

– Поймите, – продолжал «образование» ротмистра. – Сейчас по всей дороге сотни русских людей. С семьями. И помочь большинству мы не сможем. Сил не хватит. А тут ещё управление послало партию к Мукдену. Больше пятисот душ. Связи с ними нет. Остаётся только молиться, чтобы они выбрались самостоятельно. – На Дуббельта было страшно смотреть. До него только сейчас дошёл весь трагизм ситуации.

– Но мы не можем просто так сидеть и ждать. – Теперь он по-волчьи смотрел на меня. Минутная слабость осталась в прошлом.

– Правильно. Но для этого у меня должна быть вся полнота власти. По-простому, каждый на КВЖД должен знать, что я за саботаж расстреляю любого. За воровство буду вешать. Поймите, Афанасий Михайлович, в данный момент говорильня смерти подобна. Те, кто сейчас здесь были, палец о палец не ударили для спасения людей. И если бы я их не арестовал, то в дальнейшем они нас и обвинили бы в неумении навести порядок. Теперь слушайте приказ. Вы возьмёте документы из управления и проведёте ревизию. Касса опечатана, и

доступ к ней закрыт. Завтра у меня на столе должен быть документ о состоянии дел на дороге…

После, уже в 1920-х годах командир корпуса Афанасий Михайлович Дуббельт не раз напоминал своим подчинённым, что в критических ситуациях всё зависит от них самих.

Урок, который преподал ему битый жизнью комбат осназа, он запомнил на всю жизнь.

Город обсуждал эту новость только день, а потом началось спешное приготовление к обороне. Силами местного населения были возведены пять фортов (против местной армии сойдёт, а против восставших пейзан и подавно), сформировано ополчение, тут полковник Хорват сумел меня удивить. Было учтено всё: кто, где, сколько и когда служил, бывал ли в деле, даже такую, казалось бы, малость, как калибр винтовок, и то учли.

А в середине мая полыхнуло, так что мало никому не показалось… Восстание охватило провинции Китая, словно пал. Будто вернулись страшные времена крестьянских войн. Правитель Гирина предложил нам свои войска для усиления гарнизонов. Тут мне пришлось взять на себя все возможные последствия такого шага. Но я пошёл на риск, и позволил войти им на станции. Своих сил катастрофически не хватало.

– …И не надо пугаться! – кричал я в телефон. – Что?! Раньше нужно было думать! А я солдат не рожу! Вот как! Ах ты, сволочь, не дай бог сбежишь, прогоню три раза сквозь строй. Клянусь. Пох…ю тебе, ладно, посмотрим. – Кинув трубку на «рога», я расстегнул ворот гимнастёрки. Нет, какой наглец! Чуть успокоившись, крикнул: – Сергеева ко мне, срочно! – Да, сорвался, а что вы хотите, когда начальники станций бегут, словно крысы. Губернатор Мукденской провинции пока сидит и смотрит, кто станет побеждать. А вот правитель Цицикара встал на сторону мятежников. И теперь его войска с удовольствием будут ломать всё, до чего смогут дотянуться. Как же не вовремя у меня… Эх, что говорить!

– Поручик Сергеев прибыл по вашему приказанию, – отрапортовал высокий, под два метра, командир первой роты.

– Вольно. Вот что, Кузьма, с ротой смотаешься в Хулачен. Задача проста: разгромить авангард этой пугачёвщины. Если удастся, то и по регулярным частям пройдись. У тебя взвод скорострелок Барановского и четыре «максима». В качестве разведчиков возьми взвод стражи. Они здесь каждую тропку знают. И, пожалуй, взвод сапёров, да, он точно не помешает. И не зарывайся, душевно прошу. Мне не нужен героизм штыковой атаки. Тебе не надо и громить всю армию. Выбьешь ихэтуаней, потреплешь регулярные части – и назад. Задача ясна?

– Так точно, господин полковник! – перешёл тот на канцелярщину, знать, ещё что-то просить будет. И точно. – Разрешите ещё один взвод из разведроты взять?

– Хорошо, – согласился я. Шесть взводов плюс средства усиления, вполне хватит разбить отряд в тысячу человек.

– Есть! – Стараясь не показать радости, он словно на плацу повернулся и, чётко печатая шаг, вышел…

– Связь с Читой есть?

Наш «Маркони» отрицательно покачал головой. Стоя над ним (телеграф мной, скажем так, «был усилен караулами»), я размышлял. Наиболее агрессивный на данный момент цицикарский губернатор, можно сказать, на официальном уровне поддерживал мятежников. Да эта сволочь фактически уже перерезала дорогу! Теперь, чтобы выбить эту «пробку», необходимо посылать крупные силы для взятия Цицикара, тогда его вассалы задумаются, а стоит ли поддерживать такого господина?

– Есть ещё пока с Владивостоком, – отозвался телефонист. – Сообщают, что правитель Гирина отбросил ихэтуаней от дороги.

– Господин полковник. – Голос Курта отвлёк меня от карты. Положив трубку телефона, он «обрадовал» меня: – Только что на третий блокпост вышел гонец от Чан Шуня. Он сообщает, что часть войск правителя Мукдена перешла на сторону восставших.

– Похоже, старичок решил половить рыбку в мутной водице… – протянул я. – Так, сообщите Чан Шуню, что мы закроем глаза на его споры с Мукденом.

Картинки из прошлого. Тверская губерния. 1881 год

Нет, царь-освободитель определённо заслужил, чтобы его взорвали. Это каким надо быть идиотом, чтобы корпус передать МВД! Что, духу не хватило послать Лорис-Меликова на три весёлых буквы? И не надо говорить, что сейчас во мне говорит оскорблённое самолюбие. А то шефа корпуса в отставку, на его место министра внутренних дел, и его же назначить шефом! Во-во, маразм крепчал, однако это не предел! Уничтожили Третье отделение (да, у нас с ним конкуренция была, так ведь на пользу дела) и образовали вместо него департамент государственной полиции. А на обер-полицмейстера, точнее, на секретное отделение его канцелярии возложили почётную роль драбантов. Народ от этого тихо шизел и матерился, итог закономерен. Почему, скажите на милость, охрана не уволокла этого латентного самоубийцу (блин, Соловьев стрелял, Халтурин взрывал, и это за последние три года!) с места взрыва? Нет, вышел и смотрел, а что же случилось? Вот и получил бомбу, а над нами издеваются, мол, что ж ВЫ, так кичащиеся преданностью престолу, не уберегли царя-батюшку? Теперь у нас, я подразумеваю жандармов, большие проблемы. Причём они связаны непосредственно с выполнением как профессиональных обязанностей, так и личного плана. Сейчас каждая собака старается нас укусить, и побольнее. Народ пока терпит, но в своём кругу поговаривают об отставках. Меня сие моровое поветрие тоже коснулось. Из канцелярии губернатора (каким боком они тут?) пришла бумага о передаче моей роты во внутреннюю стражу (жандармская команда, как погляжу, совсем под шпаков легла?). Городской голова ажно чуть в экстаз не впал, вручая мне это. Идиотизм. Что мы там делать будем? Плюнув, я решил применить метод Ходжи Насреддина. Где «либо ишак сдохнет, либо падишах умрёт».

– Вашбродь, к вам становой пристав, – доложил мой неофициальный секретарь ефрейтор Жуков.

Почему неофициальный? А кто мне на это место грамотного человека найдёт? Поэтому и приходится вот так выкручиваться. И кстати, урок Засулич я для себя усвоил. Посетители принимали ефрейтора за канцелярскую крысу, не подозревая, что тот отлично стреляет по-македонски. Ага, добровольцем отвоевал в Черногории, откуда и вынес сие, несомненно, нужное умение.

– Ждём-с.

И спустя полминуты в кабинет вошёл Илья Иванович Стрешнев. Мой теперешний начальник. Вроде бы. Я пока в этом толком не разобрался.

– Здравия желаю, господин пристав.

– Хм, Сергей Петрович. – Стрешнев с понимающей ухмылкой смотрел на меня. – Давайте поговорим спокойно.

– Давайте. – Лезть на рожон я не собирался.

– Вы, да и я, грешный, больше по землице ходим, – начал он издалека. – и в высокие сферы не залетаем.

– Да. – Хотя сказанное ко мне не относилось. У меня как раз были такие высоты, что, когда голову задерёшь, шапка валится. Но знать это милейшему Илье Иванычу совершенно незачем.

– Так вот, я тут решил особо дипломатию не разводить. Как жить будем? – спросил он в лоб, смотря на меня внимательным взглядом, стараясь уловить мою реакцию.

– Дружно. – В моё время это вызвало бы улыбку: как же, кот Леопольд! Но сейчас это было не смешно. До Бога высоко, а начальство – вот оно, сидит напротив. И гадостей может наделать, сколько сможет.

– Это правильно, не стоит оно того, – с облегчением, как мне показалось, выдохнул он.

– Вы совершенно правильно подметили. Не стоит. У меня просьба к вам будет, Илья Иванович, – с улыбкой крокодила произнёс я.

– Смотря, что за просьба, – осторожно уточнил тот. Прибрать к рукам роту осназа не получится в любом случае. А вот сохранить нормальные отношения… Тут открываются большие перспективы.

– Понимаете, у нашего головы началось головокружение, уж не посетуйте за каламбур. И возомнил он что-то о себе слишком много. Нет, – заметив реакцию

начальства, решительно отмёл я его подозрения. – Никакого членовредительства, или, упаси бог, огласки. Они со своей кодлой хоть и являются для понимающих людей кучкой клоунов, но они – власть. И на глазах у всех её принижать… Нет, это невозможно. Всё решится тихо и мирно, и не одна сволочь ни о чём не узнает.

– У меня есть выбор? – прищурился Стрешнев.

– Выбор есть всегда, – дипломатично ушёл я от прямого ответа. Мол, понимай, как хочешь.

– И что мне даёт этот ваш термидор? Судьбу Наполеона? Увольте, я уже стар и на Сахалин не желаю.

– Бог ты мой, с чего вы это взяли? Какой такой термидор? Я и не знаю, что это значит. – И, закончив балагурить, жёстко сказал: – Просто данные люди дадут подписочку, и всё будет хорошо.

Услышав такое, Стрешнев лишь махнул рукой, мол, поступай как знаешь. Связываться с жандармами ему не хотелось. Поговорку о щуке и зубах придумали очень умные люди.

В городке после этого разговора ничего не изменилось. И только очень внимательные замечали, что, встречая жандарма, городская верхушка старалась как можно быстрее уйти. Причём в глазах у них был страх. Но свои наблюдения они оставили при себе. В конце концов, может, и показалось им. Но визиты становому приставу они нанесли. О чём были разговоры, так и осталось тайной, только с проблемами теперь обращались к Стрешневу.

2

Харбин. Правление КВЖД. 1900 год. Спустя час после визита подполковника Дроздова

– И напоминаю: часовой является лицом неприкосновенным. – Оскалу прапорщика мог позавидовать уссурийский тигр. – Не стоит пытаться, право слово…

В курительной комнате, словно заведённый, матерился Хорват. Окружающие благожелательно прислушивались к особо интересным оборотам. Наконец выдохнувшись, он сел в кресло. Поведение этих жандармов было неслыханным, ну ничего, скоро он поставит зарвавшихся мерзавцев на место.

– Вы успокоились, друг мой? – осведомился у багрового от гнева полковника помощник директора депо. Старый, битый жизнью и начальством технарь насмешливо смотрел на Хорвата.

– Что, голос прорезался? – грубо оборвал тот старика.

– Ну-ну, это вы здесь такой смелый? – с металлом в голосе спросил Синцов. – А под револьвером вы так же говорить будете? Или вам неизвестно, что осназ гуманизмом не страдает? Смотрите, как бы кровью не отхаркнуться.

В помещении настала гробовая тишина. Небожителю нанесли неслыханное оскорбление! А виновник с усмешкой смотрел на всех.

– К чему это вы? – спросил Югович. Он только дела принял, и тут на тебе – мятеж, жандармы.

– Как вас понимать? – Хорват уже пришёл в себя. Выходка его не красила, и потому он решил расспросить старика. А сгноить его можно и позже.

– Мне с этим господином, – усмехнулся старик, – приходилось сталкиваться. Вы помните конец семидесятых – начало восьмидесятых годов?

– Да уж, прости, Господи, и убереги. – Те, кто постарше, перекрестились, а молодёжь навострила уши. Именно в таких разговорах и выплывает на свет такое…

– Не томите, Павел Иванович? – Хорват оглянулся в поисках поддержки.

– Я тогда работал в депо Киева, и, надеюсь, все помнят, что тогда произошло? – Старшее поколение энергично закивало. – Так вот, нынешний командир батальона усмирял тогда мастеровщину. Причём его бойцы едва не перестреляли казаков, когда те… ну сами знаете.

Слова Синцова были встречены с пониманием. Донцы своим козырянием об обособленности казачества достали всех. А поскольку многие работали на Южной дороге, то жестокость станичников не была для них секретом.

– И что? – Молодой помощник инспектора скептически пожал плечами.

– А ничего. – Голос Синцова словно хлестнул нахала. – Главное, что станки и часть подвижного состава были испорчены. А время было военное. Мне говорили, что после этого начались аресты среди начальства. И методы следствия были, как во времена Тайной экспедиции.

– Не может быть! – загомонила молодёжь. Правда, не очень уверенно. Хоть на дворе и XX век, но правит-то СЛМОДЕРЖЕЦ! А не, прости, Господи, президент какой.

– Да нет. – Старик недобро оскалился. – Пугать я никого не хочу, но тогда ему ничего не было. Совсем. А теперь у него бумага времён Петра Великого, вот так.

В комнате вновь воцарилась гнетущая тишина. Нет, в пытки никто не поверил, чтобы в наш просвещённый век!.. Вот только проверять на себе это не хотелось.

Харбин. 1900 год. Поручик Сергеев

Задал мне задачу Старик, это мы так за глаза нашего командира называем. Хотя, положа руку на сердце, с такими силами грех не показать «макакам», где раки зимуют. Местные из охранной стражи, сразу видно, люди битые и опытные, не чета обычной «крупе». Всё у них подогнано, а командир их, кроме винтовки (казачья, кстати), имел при себе ещё и маузер.

– Вашбродь, третий взвод пятнадцатой сотни охранной стражи прибыл в ваше распоряжение. Командир взвода урядник[4 - Приравнивался к чину вахмистра.] Терещенко, – вытянулся во фрунт крепкий мужик лет сорока.

– Вот что, давай сделаем так: выдели на каждый взвод по два человека. А оставшиеся будут головным дозором. Вы тут все тропы знаете, значит, вам и быть впереди. Только запомни: твоя задача не воевать, а быть проводником. Чтобы мы не плутали, местности мы не знаем, а карты, сам знаешь, соврут.

Интересно было наблюдать за его лицом, по мере того как стало ясно, что война для них отменяется. Всё же платили им гораздо больше, чем в России, выслуга шла полуторная, в общем, было что терять.

– Это мы завсегда… Вот только не мало ли нас? – на всякий случай поинтересовался урядник.

– Воюем не числом, а умением, с прошлой войны ещё, – сообщил я малоизвестные подробности о славных деяниях старшего поколения.

– Вашбродь, дозвольте на вашу карту взглянуть? – деликатно попросил Терещенко.

Жандармы, судя по виду, особо не бедствуют. Вон одни карабины (мечта каждого служивого) чего стоят! Видать, справные у них офицеры, знают службу.

– Смотри. – Отказывать я не стал, даже интересно стало, что нам картографы вручили. Достал из сумки карту и протянул её уряднику.

– Ага… – Поводив пальцем, тот удивился: – Хорошая она, только пары дорог не нанесено.

– Критично? – обеспокоился я. Ничего себе, а если по этим тропкам-дорожкам к нам в тыл зайдут?

– А? Что? Нет, не особо, – успокоил он. – Но по одной вполне можно на повозках проехать. Вы бы, вашбродь, дозволили бы, чтоб мы ещё и по бокам шли…

– Действуй, – не стал я обрывать разумную инициативу урядника. Чёрт его знает, но могут и из зарослей пострелять наудачу.

Дорога на Хулачен оказалась в приличном состоянии, выбоин и колдобин было не много. Так что артиллеристы и обоз (пара патронных двуколок плюс пулемётчики на четырёх точно таких же повозках) движение не задерживали. Вокруг простирались невысокие сопки, поросшие кустарником. Марш совершали по всем правилам военной науки: с головной заставой, боковыми дозорами и арьергардом. Тут и выяснялось, что охранная стража не уступает моим бойцам в выносливости и умении совершать дальние переходы. А мне-то думалось, что по пути придётся по очереди сажать выбившихся из сил солдат на повозки, давая им недолгий отдых.

Ничего интересного мне в пути не встретилось, хотя мне папа говорил, что здесь можно обнаружить седую древность. Не знаю, но, на мой неискушённый взгляд, попадавшиеся нам фанзы и одна кумирня под это определение не подходили, китайцы, что мы встречали, смотрели на нас отсутствующими взглядами. Не поймёшь, то ли им действительно всё равно, то ли они умело скрывают свою ненависть к нам.

– Не любят они нас, – согласился с последним утверждением урядник. Он шёл рядом и рассказывал, как и что происходило в этих краях при строительстве дороги. – Не поверите, вашбродь, но тут, почитай, и власти-то нет. Та, что в Пекине, только указы шлёт. Тут губернатор царь и бог. Что захочет, то и сотворит. Тот, что в Цицикаре сидит, дюже на нас злой, чуть что, так жди оттуда беды.

– Странно, ведь как дорогу проложили, так это захолустье развиваться стало. – Мне было непонятно поведение столь высокопоставленного чиновника.

– Боятся они, – тихо пояснил Терещенко, – что мы энту землю себе возьмём, а их в шею погоним.

Дальше говорить он не стал. А мне стало как-то не по себе. Ещё в гимназии наш историк очень хорошо рассказывал (с примерами), чем такое противостояние заканчивается.

На ночлег урядник посоветовал остановиться у полуразрушенной фанзы. Протекавшая неподалёку речка обеспечила нас водой (колодцем Терещенко пользоваться не советовал), я выставил посты и секреты и приказал принимать пищу. Видя реакцию стражников, испытал гордость за свой батальон. Особенно

удивило их, что у отряда имелось новейшее изобретение – полевая кухня, на мой отряд их выделили две штуки! Кашевары ещё по дороге вскипятили воду и заложили гречу и, когда та сварилась, добавили в крупу мясо из консервных банок (опять же только в батальоне есть), и вскоре все дружно застучали ложками о котелки.

Ночь прошла спокойно, крутящиеся около бивуака китайцы куда-то делись.

К окраине города отряд подошёл на второй день в три часа пополудни. Когда до него оставалось не больше версты, стало ясно, что нас там уже ждали войска и присоединившиеся к ним местные жители (всадников, мелькавших недалече, заметить было нетрудно). Причём, похоже, они решили задавить числом белых демонов. Растянувшись по фронту, пейзане, подобно волне, покатились на нас. Вооружённые белым оружием, они были для нас страшны только количеством и только в рукопашной схватке. Навскидку их было около двух тысяч, а вот за ними в отдалении были регулярные части, правда, не много, может, четыреста или около того. Их командир был неглупым человеком и вперёд послал восставших, наверняка повоевал с корейцами (с японцами точно нет), а возможно, и с нами под личиной хунхуза. До нас довели, что такое явление тут часто случается. Что ж, патронов на всех хватит, недаром каждый таскает на себе по триста штук.

– Первый взвод, с двумя «максимами» занять высоту Левая! – спокойно, словно на учениях, скомандовал я. С той сопки, что возвышалась левее от меня примерно метрах в ста, вид должен открываться превосходный, вопрос, почему её не заняли мятежники? Ну, да это их просчёт, – Второй взвод первой полуроты – резерв. Второй полуроте занять оборону от высоты Средняя до отдельно стоящего камня! – Получив приказ, оба полуротных командира, козырнув, направились к стоящим солдатам.

– Вашбродь, а нам что? – севшим голосом спросил Терещенко.

Не сказать, что он испугался, но такую массу можно и не удержать огнём. А рукопашная без потерь не бывает.

– Охранной страже прикрывать тылы, смотри, чтобы нас не обошли незаметно, – напутствовал я его. Он понимающе кивнул и увёл своих подчинённых беречь нам спину. – Артиллерии начать обстрел регулярных частей противника! – На

пределе дальности, но шрапнелью вполне можно достать. – Стоять здесь, будете резервом, – повернулся я к подошедшему прапорщику Мигунову, командиру второго взвода. Подпоручик Голиков с первым взводом отправился занимать вершину. – Тут нас скрытно не обойти. Потому вы, как только атака захлебнётся, начинаете обходить их, двигаясь в направлении фанзы.

– Понятно, прикроюсь оврагом и вон на том холме стану. Тогда вот этот путь отступления к городу будет перекрыт. – Посмотрев на карту, прапорщик ткнул в дорогу, выходящую из ворот под номером четыре. – Уйдут они всё равно. Вот по этой дороге и уйдут.

– Что делать, Старик приказал только потрепать, а не устраивать тут Канны. Никто не думал, что тут будут эти в таком количестве, – кивнул я в сторону приближавшихся «боксёров».

Дальше всё было просто. Первыми начали стрелять снайперы (всех отдали для усиления), лежащие в цепи вместе со стрелками, но, в отличие от последних, они были вооружены «драгункой» с установленным на ней ружейным телескопом. Вот тут я впервые увидел, что могут ТАКИЕ стрелки: главарей или просто наиболее активных мятежников выбивали одного за другим. Причём стрельбу начали шагов с семисот, ну а редкие промахи по такой толпе невозможны, всё равно пуля свою жертву находила. В бинокль я отлично видел, как знаменосец, дёрнувшись на мгновение, застыл, а после упал под ноги бегущим следом за ним. Это, естественно, не остановило крестьян, они уже ничего не видели вокруг, уподобившись дикарям, которые хотят только крови врагов, но вот адекватно командовать – уже нет.

Рёв сотен глоток, гул тысяч ног, зрелище по-настоящему жуткое, но раздались свистки взводных, и солдаты (из положения лёжа, подложив ранец для удобства) открыли огонь. Не было так любимой армейцами пачечной стрельбы, солдаты стреляли по готовности, а с пятисот шагов карабину точности боя вполне хватает. Первые ряды ихэтуаней падали десятками, но задние неумолимо шли вперёд по мёртвым, затаптывая раненых или просто упавших. Но в конце концов сработал закон больших чисел – полурота Сакена просто выкосила передние ряды, затормозив этот живой прибой на несколько секунд, а потом раздались ОЧЕРЕДИ. Двенадцать ружей-пулемётов Мадсена (Старик называет их ручными) ударили по толпе с трёхсот шагов, выпустив по магазину. То, что я увидел, запомнилось мне на всю жизнь: целые ряды валились на землю, образовывая вал из мёртвых тел. На этом наступление китайцев, попавшее под

перекрёстный огонь, закончилось. До нас им осталось пробежать не больше двухсот шагов, но те жалкие остатки «боксёров» уже не помышляли о наступлении.

А в этот момент огневой взвод поручика Вожина начал обстреливать регулярные части. Серые облака шрапнельных разрывов стали рваться чуть правее основной массы (увы, при всех достоинствах пушки Барановского всё же устарели), но вскоре, пристрелявшись, батарейцы накрыли основные силы китайцев. Желание сохранить своих солдат сыграло с китайским командиром злую шутку. Бежавшие впереди крестьяне, с одной стороны, прикрывали и оттягивали на себя огнь, но с другой, мешали стрелять по нас. Его солдаты просто не видели цели, за что и поплатились… Нет, стрелять-то они стреляли, но попасть, кроме как в мечущихся «боксёров», они никуда не смогли.

– Второй взвод, вперёд! – скомандовал я, едва наметился отход противника, на глазах превращающийся в поспешное бегство. Врага надо добивать, иначе он оправится и убьёт тебя.

Мигунов, достигнув холма, принялся охватывать правый фланг. Одновременно с началом атаки «максимы», что были на вершине, ударили по смешавшейся массе, приведя её в полнейшее замешательство. Это стало переломным моментом, восставшие не выдержали и побежали, втоптывая в землю остатки воинства цицикарского губернатора. Не медля ни секунды, я бросил вторую полуроту преследовать противника.

Спустя полчаса всё закончилось. Первый взвод собирал трофейное оружие, пленные, числом не менее трёхсот, сидели под прицелом двух так и не побывавших в деле «станкачей».

– Так, урядник, вот этих, – кивнул я на «боксёров», – рассортируйте. Вожаков отдельно, солдат отдельно, офицеров и унтер-офицеров отдельно.

– Есть, – козырнул Терещенко и, собрав своих подчинённых, начал сортировку.

А я смотрел на город и мучительно думал, что с ним делать. Вне всякого сомнения, там полно мятежников или им сочувствующих, что в принципе одно и то же. Вот только стирать (вернее, обстрелять) город артиллерией мне не хотелось. Хотя любой европеец это сделал бы без колебаний. Сил же для

зачистки у меня не было. Тут две роты потребны, а лезть сейчас – людей терять напрасно.

– Не понял, быстро к поручику Сакену, – приказал я посыльному, стоящему рядом. Тот мигом рванул к командиру второй полуроты. В бинокль было видно, как из ворот выбегали горожане, причём, судя по одежде, отнюдь не нищие. – Что думаешь?

– Христиане, – мгновенно ответил командир первой полуроты подпоручик Голиков. – Больше некому. Повезло им.

– Да, – согласился я с ним. – Вон тот китаец, видишь? – обратил его внимание на довольно высокого крепкого мужчину.

– Да, точно. Перекрестился, – подтвердил Голиков. – С собой забираем?

– А как же, иначе их тут поубивают. Думаешь, кто-то из них прикидывается?

– Не сомневаюсь. Но для выяснения этого у нас есть другие люди…

Купец Ван Шуи, в крещении Иван Фёдорович, уже приготовился к смерти. Правда, в смирении умирать он не собирался. А прихватить с собой на тот свет как можно больше врагов – это да. Дело богоугодное, как бы ни говорили священники. Ведь сказал же Спаситель: «Не мир я принёс, но меч». Сыновья и племянники деловито набивали обоймы. Вот ведь как вышло, ведь почуял он, что неспроста к нему староста Дзян приходил. Всё смотрел, на себя примерял и одежду, и дом. Да вот подавился, не стал Ван ждать, а лишь глазами показал на него сыну и остался в доме, который так хотел себе забрать староста с перерезанным горлом. Быстрые сборы – и вот он уже у племянника Си, тот, правда, католик, но какая для него и Вана в принципе разница? Точно такого же мнения придерживались и местные ихэтуани, на следующий день они разгромили оба костёла, убив двух священников-европейцев. А потом началась охота на всех христиан, их убивали, не щадя никого, жутко, страшно.

Тяжело вздохнув, он посмотрел на жену. Та спокойно собрала вокруг себя женщин и детей. В руках у неё была бутыль с собственноручно приготовленным

ядом. Когда мужчины погибнут, они примут его. Грех, конечно, великий, но ведь попасть в руки ихэтуаней ещё страшнее. Бог простит.

Вначале прочность дома попробовали нищие. Оставив шесть тел, эти крысы поняли, что добыча им не по зубам. Однако штурм, которого все со страхом ожидали, так и не случился. Словно вымерло всё вокруг, будто предлагая: ну же, рискни, попробуй прорваться. Отогнав это наваждение, Ван Шуи прикрикнул на племянника, чтобы тот внимательно смотрел по сторонам. Прошёл час, и вдалеке раздались раскаты грома. Потом ещё и ещё…

– Пушки, – тихо произнёс он. – Русские, больше здесь никого быть не может.

Изменения заметил не только он. Нищие, подобно гиенам крутившиеся возле дома, как-то быстро исчезли. А потом началось бегство, чиновники вместе с семьями и охраной устремились к северным воротам. Ван смотрел на это с каким-то умиротворением. Обернувшись, он увидел стоящую жену. Та сразу всё поняла и начала успокаивать женщин, которые уже стали впадать в истерику.

– Вей Лунь, возьми троих и сходи на разведку, – громко приказал Шуи.

При этих словах могучий китаец поклонился и ловко спустился со стены по верёвке. Вслед за ним скользнули трое охранников. Служивший почтенному купцу уже полтора десятка лет Лунь не был христианином. Однако он, поездив по стране и увидев иностранцев, не впал в детство, как ихэтуани. Наоборот, он проявил завидную волю и выбился в старшие стражники. Вот тут и подвернулся случай возвыситься, и упускать его он не намерен. У южных ворот не было никого, сами ворота были распахнуты, и можно было видеть, как солдаты в незнакомой форме идут к городу. Задумавшись, Линь чуть не допустил постыдную оплошность, но в последний момент увидел двоих в знакомой форме охранной стражи.

Китайский купец оказался для меня хорошим подспорьем: зная этот город, он указал, где находятся все интересующие нас здания. Иллюзий относительно своей судьбы он не питал и мигом развил бурную деятельность. Его даже не пришлось просить: узнав о множестве пленных, он сразу заявился туда и опознал трёх вожаков. Потом, осмотрев трупы погибших офицеров, указал на тех, кто наиболее «отличился» в убийствах христиан. Вожин накрыл всю командную верхушку на втором залпе. Вот теперь мне стало ясно, почему

солдаты вели себя так пассивно. Переночевав в городе, на следующий день рота с уцелевшими китайцами-христианами ушла обратно в Харбин.

Харбин. Штаб батальона осназа. 1900 год

В который раз мой начштаба капитан Милютин смотрит то на карту дороги, то на выданные в столице секретные пятивёрстки.

– Что, Иван Тимофеевич, – окликаю его. – Ошибки?

– И это тоже. Главное, Сергей Петрович, как интересно симпатии и антипатии расположились. Взгляните, я тут специально кроку под это дело изготовил. – И протянул мне раскрашенный лист.

– Действительно, занятно. – На отлично скопированной пятивёрстке была нанесена текущая обстановка. Мукден и Цицикар, главные города провинций, синели, а значит, фактически две трети территории Маньчжурии были на стороне мятежа. Причём Мукден отрезал связь с Порт-Артуром, а Цицикар – с Читой. Единственная радость – Гирин, в кольце красных «ресничек». Но он, кстати, в стороне от главной ветки – совпадение или нет? – Вот что, други мои, оставлять здесь всё как есть – значит проиграть. На нас смотрят не только враги, но и друзья. – Господа офицеры согласно закивали, хотя межрасовые предрассудки никто не отменял, просто перешедшие в православие считались уже своими. – Задача – их защитить. Даже если их и обзывают «желтомордыми макаками». Если мы это не сделаем, то Маньчжурия для нас потеряна. А это недопустимо. Итак, вы, Иван Тимофеевич, назначаетесь командиром сводного отряда. Ваши силы: две роты батальона осназа. Батарея орудий под командованием капитана Крамаренко. Александр Фёдорович, вы возьмите двойной запас снарядов. Взвод сапёров, Артемий Сергеевич, надо. И двести стрелков губернатора Чан Шуня. Пулемёты «максим» я вам не даю, своих хватит. Задача: выбить из складывающейся коалиции Мукден, чтобы тамошний губернатор приказал своим войскам подавить выступления мятежников.

– Сергей Петрович, а если он не согласится? – Капитан Милютин, как истинный служака, моментально просёк, ЧТО придётся делать в случае отказа.

– Тогда он сам становится мятежником, а, соответственно, его жизнь и имущество перестают пользоваться неприкосновенностью. – Чётко формулирую приказ: – Те части, что открыто встали на сторону мятежа, – уничтожить. Сейчас не до сантиментов. За убийства российских подданных виновных вешать! За убийства христиан виновных расстрелять, вожаков передать в распоряжение капитана Мейра. Обязательно зачитать, что оные будут казнены отдельно. Вопросы?

– Никак нет, – ответил Милютин.

Своим приказом насчёт имущества милейший Сергей Петрович найдёт множество сторонников среди гиринского чиновничества и офицерства. Жажда наживы – очень хороший стимул.

– Теперь вы, Артемий Сергеевич. Подготовить город Харбин к круговой обороне. Срок – месяц. Полтора максимум, – озадачил Извольского комбат, хотя проделанная тем работа уже внушает определённый оптимизм. Так просто город уже не атаковать, а уж закрепиться в занятых районах…

– Будут только полевые укрепления, – предупредил сапёр. – Иначе не успеть.

– Согласен. Действуйте. – Плевать, подумалось мне, главное, туда можно посадить ополчение и этим высвободить значительные силы для получившего генерал-майора Гернгросса. – Курт Генрихович, на вас ляжет разведка и общение с китайскими союзниками. Кроме того, необходимо по примеру европейцев создать колониальные части. У нас есть старые «берданки». Вооружите ими христиан. Я уверен, что в добровольцах отбоя не будет. Для начала сформируйте три взвода лёгкой пехоты по тридцать человек.

– Всё понятно.

– Теперь вы, Афанасий Михайлович, – обратился к Дуббельту. – На ваши плечи ляжет вся контрразведывательная работа и выявление местонахождения подданных империи. Кроме того, вы должны подготовить список ценностей, находящихся на балансе дороги.

– Вывоз их будет осуществлять Курт Генрихович, я правильно понял?

– Совершенно верно. Всё, господа, за работу.

Оставив господ офицеров заниматься подготовкой к предстоявшим боям, я направился в свой кабинет. В приёмной сидел поручик Потапов, а на диване ожидал меня начальник жандармского управления Харбина ротмистр Митрохин.

– Здравствуйте, Илья Иванович. – Вот только, похоже, обиделся местный Малюта Скуратов на меня, хотя вида не показывает. Высокого роста, под метр восемьдесят, крепкого телосложения, он был выходцем из старых, но обедневших дворян. Снобизмом не страдает, но и запанибрата не держится. А потому я и поздоровался с ним по имени-отчеству, сразу переходя на неофициальный характер разговора. Теперь, как говорится, мяч на его поле. – Рад с вами познакомиться.

– Взаимно, Сергей Петрович. – Рукопожатие у Митрохина было крепким.

– Дмитрий Александрович, нам чаю с лимоном.

– Слушаюсь.

– Присаживайтесь, – указал я рукой на стоящий у стены столик. – Разговор у нас долгий будет. Вы не обижаетесь, что вас только сейчас и вызвали?

– Отнюдь. Я, Сергей Петрович, не барышня. Вы сначала хотели сами атмосферой проникнуться, а потом и меня вызвать, чтобы ответ держал, – спокойно ответил он. – Бумага у вас очень сильная, с её помощью много чего сделать можно.

– Вы правильно подметили, много чего. Итак, Илья Иванович, мне в данный момент пока не интересны махинации, завышение стоимости и банальное воровство. – Заметив, как тот скис, я предостерегающе поднял руку: – Не спешите унывать или, упаси Боже, считать меня способным потакать казнокрадам. Просто сейчас важнее сохранить дорогу. Да, совсем забыл, согласно моему приказу мобилизованы служащие дороги. И когда неприятель попытается захватить Харбин, придётся им повоевать.

Ух ты, а глазки у него как засверкали! Видимо, очень не любит он господ из управления.

– Хм, вы правы, Сергей Петрович, сейчас каждый штык на счету, – ухмыльнулся он.

– Хорошо, что мы друг друга правильно поняли. У меня к вам один очень важный вопрос. – Тот напрягся. – Вы долго прожили здесь и изнутри видели всю картину. Скажите, идеи Желтороссии здесь осуществимы? Только мне нужен правдивый ответ, а не в духе нашей официальной политики.

– Нет, – после долгого размышления ответил он. На меня смотрел человек, который наконец-то может однозначно ответить на главный вопрос: есть ли перспективы у нашего пребывания в Маньчжурии. – Идея, высказанная китайскими купцами и подхваченная нашими «патриотами», мертворожденная. Мы опоздали на несколько лет. Когда здесь жили лишь маньчжуры, кое-какие шансы были на присоединение к нам. Но теперь, когда императрица Цыси дала добро на переселение сюда десятков тысяч китайцев… Увы.

– Русские варвары резню устроить не смогут, – с горькой улыбкой сказал я. – А цивилизованные европейцы…

– Да, – кивнул Митрохин, соглашаясь со мной. – Кроме того, им, я имею в виду китайских переселенцев, разрешили обрабатывать землю.

– А как кочевники отреагировали? – холодея, спросил я у него, заранее зная ответ. Это был удар ниже пояса. Без дураков.

– Как и должны были. – Ухмылка у ротмистра была ещё та. – Попытались перебить поселенцев, но их художества быстро задавили с помощью солдат. Ещё лет двадцать – и всё, маньчжуры станут на своей земле маленьким племенем. Как индейцы в Североамериканских Штатах.

– Плохо. А с чего это верховная власть так расщедрилась? – Некое несоответствие зудело, словно засевшая под кожу заноза. – Раньше за ней меценатство и гуманизм к своим подданным не числились.

– Сергей Петрович, я уже писал рапорт, но боюсь, он далее Читы не пошёл. Слишком опасная информация. Причём, если копнуть глубже…

– И? – Он смелый человек и наверняка понимает, что этого ему не простят. Значит, сведения у него такие, что плевать ему на начальство, которое, скорее всего, пойдёт в отставку. А может и в Петропавловке осесть. Не надолго, на пару лет, но и этого хватит. Тут если ты сел, то автоматически лишаешься всех чинов и привилегий. И пенсии.

– Вот прочтите. – Он протянул мне папку, лежавшую рядом с ним.

– Да… – задумчиво протянул я, отложив последний лист. Нет, молодцы предки, умели работать. Это вам, господин подполковник, не направо и налево стрелять. Сидящий напротив меня ротмистр ожидал вердикта. Вот только что сказать-то? – Вы уверены, что вам не подсунули дезинформацию?

– Да, – твёрдо произнёс он, отрезая себе пути к отступлению.

Очень хотелось курить, но усилием воли я задавил эту слабость. Убойная вышла папочка. Пожалуй, даже для меня, известного своей кровожадностью и прозвищем Вурдалак, будет небезопасно подать эти документы на высочайшее рассмотрение. Если отбросить все экивоки, то милейший Илья Иванович через свою сеть собрал материалы, которые, попав на стол к императору, повлияют на дальнейшую судьбу империи. Да, именно так. Выбив пальцами на столе такты «Преображенского марша», я с ненавистью посмотрел на папку.

– Это война, – наконец произнёс я страшные слова. Ротмистр смотрел на меня тяжёлым взглядом. Нет, он это знал, но даже сам себе не озвучивал этого. Но надо смотреть правде в глаза. Переселение китайцев было не просто прихотью старой императрицы, это был приказ Лондона, который давно перекроил его под свои нужды. Японо-китайская война, после которой англичане выпустили на континент нового хищника в противовес нам и немцам. А вот теперь и заброска агентов. – У вас есть информатор, который опознал торговца И Вена как офицера японской армии?

– Да, тот человек очень хотел убить его, но я запретил.

– Кореец? – Заметив удивление, промелькнувшее на лице Митрохина, продолжил: – Китайцы тоже не любят японцев, но они дома, и, скорее всего, просто зарезали бы невезучего шпиона.

– Да.

– Что же, Илья Иванович, давайте начистоту. ВСЮ папку я не покажу. Сами понимаете. – Тот кивнул. В ней кроме всего прочего были доказательства саботажа местных чиновников, сознательный подрыв боеспособности армии и флота. Их связи, уходящие в столицу… и фамилии с чинами тамошних подельников. За такое Читинское и Иркутское управления его сожрут, а скорее всего, падёт храбрый ротмистр в стычке с хунхузами. – Последнюю часть его величество получит, где описаны и приведены доказательства подготовки японцами против нас враждебных действий. И ещё: раз война началась, то давайте действовать. Итак, первое: на вас ляжет подготовка и формирование туземных частей лёгкой пехоты из корейцев. Второе: подготовка и проведение саботажа и диверсий на объектах, принадлежащих Японии. Третье: вам необходимо создать сеть разведчиков в Корее. Война начнётся там. Вопросы?

– Как и кем укомплектовать созданные части? – Ротмистр подобрался, как тигр перед прыжком. Изрядно послуживший, он моментально понял, что становится одной из персон, которые будут определять дальнейшее положение на востоке империи.

– Вам разрешается набрать офицеров и унтер-офицеров из Читинской пешей команды. Документы для этого я вам подготовлю и предупрежу, чтобы вам не чинили препятствий.

– Акты саботажа согласовывать с вами? – уточнил самое главное Митрохин. Тут нужно быть особо осторожным.

– Да, но в экстренных случаях разрешаю действовать самим исполнителям, в случаях невозможности связаться с вышестоящим руководством. Только учтите, это должны быть действительно глобальные и важнейшие дела. А не мелочёвка.

– Вас понял, Сергей Петрович, по третьему пункту у меня условие. – Он аккуратно одёрнул мундир. – Сеть знаю только я. Вам при нужде передаю лишь трёх человек.

– Согласен. – В таких тонких материях, как агентурная работа, информатор, можно сказать, становится родственником. И попытки чужого получить доступ к списку сотрудников, а то и самой сети всегда вызывают решительный отпор

куратора. – Илья Иванович, у меня к вам вопрос довольно деликатный.

– Слушаю вас, Сергей Петрович.

– Подскажите, кто из полицейских чинов лучше всего подойдёт для борьбы с хунхузами? – Заметив его недоумение, пояснил: – Мне необходим результат, а некоторые, скажем так, досадные недоразумения, могущие возникнуть при этом, меня не интересуют.

– Вахмистр Ильин. У него бандиты украли сына и потребовали выкуп. Мы платить не стали, и спустя неделю к нашим постам подкинули голову ребёнка[5 - Реальный случай, произошедший в 1907 г.]. После этого Ильин начал настоящую охоту на убийц сына. И нашёл, представьте. Головы убийц вахмистр разложил вдоль полотна дороги.

– Спасибо. Вы мне очень помогли.

После ухода ротмистра я задумался. Дело, которое должен был возглавить вахмистр, было на порядок серьёзнее, чем просто ловля бандитов, и гораздо страшнее. Нам, по сути, противостояла система, где у каждого более-менее крупного чиновника была своя банда. Она кормила его, уничтожала врагов, а он предоставлял, как говорилось в моём времени, «крышу». Можно сказать, законное бандформирование. Занимались они отнюдь не каллиграфией, а очень даже серьёзными делами: контрабанда, незаконная золотодобыча, наркоторговля, работорговля, заказные убийства, рэкет. Да-да, всё это было в 1900 году от Рождества Христова, и я собираюсь эту систему ломать. Ломать и через попавших в мои руки главарей постепенно, шаг за шагом выйти на верхушку. Зачем? Странный вопрос, потому что они были прямыми конкурентами власти. Здесь и сейчас нашей. Старые китайские императоры за такое уничтожали со страшной, нечеловеческой жестокостью. И я иду по тому же пути. Кстати, для местных мои действия будут понятны, вполне логичны и оправданны. Согласие вахмистра получить просто: человек будет занят «любимым» делом и, главное, у него будут развязаны руки.

Достав папиросу, привычно дунул в неё, смял гильзу, на мгновение замер, словно решаясь, а потом чиркнул спичку. Облако ароматного дыма поплыло по кабинету. Удивительно, сам уже для себя всё решил, а в последний момент начинаю колебаться.

– Дмитрий Александрович, – вызвал я звонком адъютанта, – пришлите мне унтер-офицера Дроздова.

– Слушаюсь, господин полковник.

Спустя полчаса в кабинет вошёл сын. Мой единственный ребёнок и единственный близкий человек в этом мире.

Глава 2

1

Москва. Особняк князя Черкасского. 1881 год

Да-с, пропитался я временем и изъясняться стал не хуже дворянина с длинной родословной. Моё звание дало право называться таковым, НО пока я имею лишь ЛИЧНОЕ дворянство. А это совершенно другой расклад в империи, уже не чернь, однако в КРУГ пускать такого никто не будет. Вот и сейчас князь с ледяным презрением цедит слова. И платочек у носа держит, ага, мол, навозом от меня несёт. Нет, понять я его могу, да и ситуация очень уж щекотливая, но меру знать надо. Пустить меня по матери и сказать, чтобы я убирался вон, – вполне нормальная реакция для отца, вместо этого мне демонстрируют стародворянский снобизм. Наконец мне надоела эта сцена, словно списанная из бульварного романа.

– Князь, – перебиваю я очередную порцию похабщины (ни единого слова матерного, гад, не сказал, но в морду ему дать очень захотелось) в свой адрес, – давайте перестанем вести себя, словно на дворе шестьдесят первый год. Сразу вас обрадую, что крепостным не был ни я, ни мои родители с дедами и бабками. И не надо драматизировать ситуацию, словно в романе Эжен Сю. То, что произошло, личное дело моё и вашей дочери.

Да, вляпался, как и многие до меня. Два слова «я беременна» перевели наши отношения в совершенно другую плоскость. Винить в этом некого, кроме самих себя. С дочерью князя я познакомился весьма прозаически: она нанесла визит своей дальней родственнице (отец отправил кровиночку в путешествие, дабы та оказалась как можно дальше от одного конногвардейца), где и узрела меня. Её тётушка Мария свет Викентьевна была вдовой, но нисколько этим не тяготилась, в свои сорок с хвостиком она великолепно выглядела, была умна и весьма состоятельна. Всё это делало её вожделенным призом для местных донжуанов и вдовцов, желающих заполучить такой бриллиант. Меня это ничуть не волновало – ну кто с жандармским офицером будет общаться? Но, как известно, человек предполагает, а Господь располагает.

У милой дамы некие злоумышленники умыкнули пятёрку лошадей, весьма дорогих (одним из источников её дохода было коневодство), в результате у милейшего Ильи Ивановича образовалась нешуточная головная боль, ибо тут требовался только положительный результат, а как его достичь? Полиция и прочие органы эмвэдэ были представлены весьма сомнительными по расторопности чиновниками. Правда, у него были мы, но вся заковырка, как МЫ будем ловить воров? Пикантность была в том, что Мария Викентьевна не так давно в кругу местного бомонда высказала мысль, что вряд ли у этих солдафонов есть хоть капля мозгов. И становой пристав не сомневался в ответном алаверды. Начинать нашу совместную службу с подставы не хотелось, и потому ловили с «огоньком». Окрестные крестьяне, прослышав о конокрадах, оказали нам самую горячую помощь. И как результат – приезжий барышник, решивший поправить свои дела, скоропостижно скончался. На это общество посмотрело сквозь пальцы, благо покойный был из «подлого сословия», ну а мне досталась в наследство пара мелких чинуш из губернской управы, изредка помогавших сему господину. Если бы не это, то, вероятно, последний и оказался бы в живых, как его подручные (правда, крестьяне их здорово помяли, но, главное, до суда дожили), но возможность заиметь «дятлов» перевесила жизнь барышника. Дело было сделано, но отказать себе в маленькой мести я не смог. Так что, когда появился во главе десятка своих бойцов в полевой экипировке и тремя лошадками, с Марией Викентьевной чуть родимчик не случился: коня и кобылицы, кои и являлись основой генофонда, не было. Что произошло бы далее, никто не узнает, как говорится, возможны варианты. Но тут юная прелестница (назло папе) решила пригласить столь импозантного офицера к столу. Обе дамы, к моему удивлению, оказались умными и весьма эрудированными. И вскоре лёгкий флирт между мной и Ксенией перерос в бурный, но короткий роман. Результат его не заставил себя ждать: спустя полтора месяца Мария Викентьевна передала письмо, в котором мне сообщили, что скоро я стану

отцом…

– Вы в этом уверены? – Сидевший в кресле пожилой мужчина пристально смотрел на меня. Больше всего меня удивило его спокойствие. Князь – человек мстительный, а тут – ну чистый вегетарианец. – Что же, а вам произошедшее понравилось бы?

– Нет, ни в коей мере, – честно ответил я. В гостиной чуточку потеплело. Примерно на градус, не больше. От абсолютного нуля. – Потому я и пришёл к вам, чтобы разрешить столь щекотливую ситуацию.

– Хм, насколько я вас знаю, кроме партикулярного платья для маскарада, вы с собой и своих драбантов прихватили, – съязвил Черкасский. Намёк на недопустимость для офицера одеваться в гражданку я проигнорировал. Всегда можно сослаться на оперативную необходимость. И Немов со товарищи сюда же отлично укладываются. – Ах да, присаживайтесь, как я мог забыть о гостеприимстве. Как-никак, будущий зять – негде взять пришёл знакомиться.

– Ничего, мы люди простые, постоим. А вот насчёт родственничка – тут вы маху дали, как у нас в простонародье говорят, – ёрничая, ответил я. – Зачем мне титул? У меня профессия есть.

– Какая же? – На лице князя от злобы пару раз дёрнулась левая щека.

Вне всякого сомнения, он пребывал в нешуточной ярости. Впервые с ним так разговаривали. Ничего, стерпит, я, бывало, и за меньшее убивал.

– Родину защищать. Знаете, – и, посмотрев на него, словно решив для себя, что он достоин дальнейшего разъяснения, продолжил: – у нас, простых людей, понятия государства и родины различаются. Но я здесь не за этим.

– Что вы хотите сказать? – Взяв себя в руки, князь посмотрел на меня с бесстрастностью английского джентльмена.

– Всё очень просто. Я забираю ребёнка, и на этом всё успокаивается. Вам ведь не нужен бастард?

Князь кивнул, подтверждая это незыблемое правило аристократии. Что же, не он первый оказался в столь щекотливой ситуации. Да и не с нигилистом, прости Господи. Боевой офицер, отмечен наградами.

– Насчёт моего молчания можете не сомневаться. Слово офицера. – Услышав эти слова, князь скривился. А вот это ты зря, ой зря, ну да ничего, сейчас мы тебя в чувство-то приведём. – Не стоит, я же не кривлю лицо, когда очередной Рюрикович принимает взятку от варшавского жидка.

– Хм. – Похоже, не ожидал князюшка такого. За ним это не водилось, но куда от знакомых убежать? Брали и, что особенно бесило Черкасского, ничуть не стыдились этого. М-да, не похож этот «штабе» на простого крестьянина. Может, и правда такой же бастард, ходят о нём разные слухи, вот и его отношение к будущему ребёнку иное. Старик Тотлебен к нему благоволит и отмечал как дельного офицера, да и Имеретинский, несмотря на его поведение при Ловче, ему покровительствует. Положеньице. Хотя, чего лукавить, едва он узнал о беременности дочери, сразу навёл справки об этом молодце. То, что ему сообщили, вполне устраивало всех – его, Ксению, Дроздова. – Согласен. Забирайте…

– Очень хорошо, прощайте. – Судя по всему, аудиенция окончена.

Я не дошёл до двери (ага, не стал смерд кланяться) пары шагов, как меня догнал его вопрос:

– А если вам не отдадут ребёнка?

Повернувшись, я встретился с взглядом князя. Нехорошо он смотрел, ой нехорошо. Словно раздумывая, правильно ли он поступает…

– Я буду огорчён, – без всяких театральных жестов и угроз ответил я. – Просто для меня начнётся ПОИСК МОЕГО РЕБЁНКА.

Черкасский, уловив интонацию и не отводя от меня колючего взгляда, кивнул, словно соглашаясь с собственным решением.

– Кто в случае вашей кончины займётся его воспитанием? – Вопрос у князя не в бровь, а в глаз.

– У меня есть друзья, – обтекаемо ответил я. Не стоит этого ему знать. И закрыл за собой дверь.

Князь же после ухода этого молодчика, а вернее, головореза (да-да, господа, именно так и обстоит дело) задумался. Не сказать, что его напугали завуалированные угрозы жандарма. Хотя какие к чёрту угрозы, этот молодой убийца без всякого эзопова языка сказал, что не остановится ни перед чем ради ребёнка. Что же, внук (Устинья ещё не ошибалась) будет в надёжных руках. Горько усмехнувшись, Черкасский подумал, что вряд ли кто-то из аристократов стал бы утруждать себя в такой мелочи, как незаконнорожденный ребёнок.

Харбин. 1900 год

– Господин полковник, старший унтер-офицер Дроздов по вашему приказанию прибыл, – доложился сын.

Как такое возможно, что в столь юные годы… Господа, не смешите меня. Так же, как и высокопоставленные аристократы получают выпуск в Старую гвардию. Ну да кому это интересно…

– Присаживайся. – Владимир сел напротив и спокойно ждал, какое задание поручит ему Старик. Да, он тоже привык называть отца Стариком. Что такое синекура, в батальоне не знали. – Вот что, ротмистр Митрохин будет формировать туземные части. Пойдёшь туда начальником контрразведки.

– Из русских я буду один? – уточнил сын.

Удивления у него не было, отец целенаправленно готовил его к такой службе. Мало кто знал, что у него за плечами пара выявленных боевиков БУНДа. И пусть невежды ухмыляются, мол, не велика заслуга. Настоящие офицеры, наоборот, отлично знают все трудности, с которыми он столкнулся. Недооценивать еврейские боевые организации может только идиот. К сожалению, таких было ещё очень много и сидели они высоко.

– Отнюдь. Ты получишь троих, двух рядовых и одного ефрейтора, – успокоил я его. – Но учти, время на раскачку уже нет. Поэтому у тебя задача – чистить тылы. Всё, как и раньше. Нюх, наган, ноги. Необходимо выявить агентуру «боксёров». Помимо этого вновь формируемые части будут набивать шпионами или просто, без затей, вербовать всех, кого не лень. А это, сам понимаешь, и предводитель хунхузов, и английский консул. Кроме тебя, этим будут заниматься ротмистры Дуббельт и Митрохин.

– Я здесь никого не знаю, и вначале, – он особо выделил это слово, – будут естественные ошибки. Сразу качественно работать мы не сможем.

– Я знаю, но ты должен расти. Сам, без моей протекции. Первое время тебе помогут, но потом ты должен сам сделать себе имя. – Дальше растекаться мыслью по древу было некогда. – Вот приказ о твоём назначении. Заметь, должность офицерская, а потому держись соответственно. С бумагами зайди к капитану Мейру. Он откомандирует к тебе людей. Всё, свободен, и удачи, сынок.

– Есть.

Подождав, когда за Владимиром захлопнется дверь, я достал карту…

Харбин. 1900 год. Вахмистр Ильин

– Алёна, где ты? – Вошедший в сени Иван Лукич положил на лавку портупею, снял папаху с шинелью.

Погода в очередной раз показала свой норов: метель с мокрым снегом живо напомнила, что весна тут ещё не полновластная хозяйка.

– Батюшка. – Старшая дочь вынырнула из горницы.

– Просуши, – кивнул он на лежащие вещи.

Та мигом подхватила шинель с папахой и скрылась обратно в горнице…

– Что случилось-то? – Марьюшка тихо сидела рядом, смотря, как он ест только-только сваренные щи.

– Ты вот что, гости к нам придут, собери там нам…

Жена кивнула, а у Ивана снова кольнуло в груди. После того, как сынка убили ироды, стала его любушка очень тихой. Скрипнув зубами, он вспомнил, как принесли ему голову Алёшки. Ну да ничего, посчитался он с ними, вот только мало! Ништо, сегодня переговорил с ним жандармский ротмистр. Команду предложил возглавить… Согласился он, а как не согласиться-то? Чудно, раньше за такое на каторгу могли определить или без мундира оставить. Зато сейчас делай, что хошь, главное – племя это извести.

– …Вот так, Никодим. – Закончив, Иван разлил по стаканам «казёнку».

– Ишь чего, – покачал тот в ответ головой.

– Ну а ты чего молчишь, Фёдор? – обратился Ильин к третьему участнику застолья, кряжистому мужику со шрамом на лбу.

– Тут, Ваня, и хочется, и колется. – Замолчав на минуту, тот вздохнул и поднял стакан. – Что, вздрогнули? – Обжигающий комок провалился внутрь, пробивая слезу, но многоопытные мужики заели солёным огурчиком и после неторопливо закинули в себя по ложке горячей картошки с мясом. – Надо, Никодим, сами потом локти кусать будем…

– Да я разве против, – пожал Никодим плечами, мол, куда от вас денусь. – Главное, старшой у жандармов дюже лютый…

– И что теперь? – Иван подозрительно посмотрел на него.

– Нет, просто ВСЁ можно припомнить, – многозначительно произнёс Никодим.

А командир батальона жандармов сидел у себя и вместо карты видел картины прошлого…

Москва. 1881 год

Выйдя наконец из особняка, я решил не торопясь прогуляться, дабы лучше изучить город. К чему это? Хм, что ж, вот уже почти полгода, как народовольцы убили Александра II Освободителя. Какие склоки происходили в Зимнем, я не знаю (и знать не желаю, здоровей буду), но сейчас нами правит государь император Александр III. Тогда, в ночь с первого на второе число, когда промёрзший курьер доставил приказ из губернского отделения, у меня ёкнуло: началось. О том, что семья Александра II не ладит с семьёй цесаревича, мне шепнули, когда я с оказией был в Твери. Поручик Смилин тихо шепнул, что «эта женщина» начинает претендовать на ВЛАСТЬ. Я тогда, честно, охренел и поинтересовался, не собирается ли светлейшая княгиня Юрьевская заиметь себе вензель? Тот лишь молча кивнул, похоже, у нашего царя-батюшки помутнение – идти поперёк мнению даже не света (эти все примут), а здравому смыслу. О её гешефтах мне поведал покойный Фекленко, сколько «отстёгивали» железнодорожные бароны за нужный результат. Рассказал о жадности, о попытках «кинуть» соискателей… Вот такая у нас императрица. Вдобавок она явно собирается заменить Александра Александровича на Гогу. Услышав это, я крепко задумался. То, что меня пока не трогают, – результат вхождения в команду цесаревича. И если последнего отстранят, то меня попрут в отставку – сажать не будут, но мундира лишат, как пить дать. Поэтому, едва ознакомившись с приказом (молодец, Смилин), оставив Курта с отделением и велев ему перегородить Волгу, сам, оседлав чугунку, появился в Твери.

Пикантность ситуации была в том, что практически никто так и не понял, что произошёл мягкий переворот, партия Юрьевской так и не решилась выступить, но это уже другая история. Второй раз меня и моей роты смена власти коснулась в апреле, когда пришёл приказ откомандировать в Москву роту осназа. Как было написано в приказе, «для сбережения жизни и имущества подданных империи». А по-простому – предотвращать еврейские погромы (хотя откуда они могли быть, если последним было запрещено селиться в городах), ибо среди фигурантов дела было много лиц данной национальности. И кстати, с нами в Белокаменную перебирается наш начальник, Стрешнев Илья Иванович. Как он сумел в губернское управление попасть, минуя уездное, покрыто мраком неизвестности. Причём не тверское, а московское! Узнав о таком моменте, светское общество нашего городка изошло злобой и желчью. Однако травли у них не получилось: когда «звезда» бомонда Ада Николаевна (жена городничего) элегантно (ну не отнять этого, специалистка) подпустила в разговоре очередную шпильку, то милейший Илья Иванович просто посоветовал ей съездить на воды в Липецк (намекнув, что на заграницу у их семейки грошей не хватит), дабы привести в

порядок нервную систему. С наглой ухмылкой выслушав её визг, он попросил её заткнуться, дабы не омрачать божественную речь такой простонародной похабщиной. А поскольку терять ему было нечего (не простят ему такой взлёт, и если оступится, то возвращаться сюда не следует), он намеренно довёл сию мадам до состояния базарной торговки в момент ссоры. Выглядела «первая леди» отвратительно, после этого с ним (а он вдовец, дети уже давно разъехались) перестали общаться, что его нисколько не расстроило. А напоследок он направил документы о злоупотреблениях особо «отличившихся» лиц во вторую канцелярию департамента полиции.

К чему это я всё рассказываю? Это был для меня урок, что можно и таким способом расправиться с врагами. А зарезать можно и попозже, когда их «выкинут из обоймы».

Когда рота обустроилась в Петровских казармах, меня вызвали пред светлые очи начальства. Я с удивлением слушал ротмистра Панкратова, главу губернского жандармского отделения: как оказалось, ловля террористов – это, конечно, нужная вещь, но, молодой человек, не забывайте и о вашей прямой обязанности. Ею оказалась помощь сыщикам, работающим, как сейчас говорят, в ОБЭП, назывался он на самом деле департаментом торговли и мануфактур. И для начала я прослушал инструктаж о порядках у Сухаревской башни, где был одноимённый рынок. Нет, то, что там творилось, меня, выросшего в «лихие девяностые», не удивило. Больше поразило отношение власти. Когда я только начинал службу, такого ещё не было, чтобы содержатель ночлежек и кабаков самого низкого пошиба мог присутствовать на балах, это был бы моветон. А теперь, пожалуйста, известный меценат на «короткой» ноге с уважаемыми людьми, высокопоставленными аристократами, заметьте! И к губернатору, говорят, вхож… А губер у нас – князь Долгорукий.

– Нужны карты, рекогносцировку провести, личный состав ознакомить с местностью, – начал я доклад. Хм, а ведь никто не ухмыляется, все присутствующие с явным одобрением слушают меня. Это и настораживало, вместо привычного начальственного крика «давай-давай, неча тут умничать», такое, кхе, человеческое отношение. – Естественно, все будут в штатском, с проработанными «легендами».

– Изрядно. – Аполлон Митрофанович Засядько[6 - Такого чиновника не было.], отвечающий «за ОБЭП» (это я так для себя окрестил), выглядел довольным.

Пошедший смолоду по гражданской службе, к сорока пяти годам он выбился в люди, но особых отношений с купцами у него не сложилось. Причём сам он был не против «помочь», вот только игнорировали его, заходя напрямую к начальству. Нет, кое-что и ему перепадало, но рупь или трёшка. Для умного и честолюбивого Засядько это было прямым оскорблением, а взгляды, господа, взгляды… – как на пустое место! Однако он усмирил своё негодование на купеческих толстосумов и начал делать карьеру. Вот так и оказался в кресле московского столоначальника, и тут уже развернулся. Исподволь, незаметно плёл он свою паутину, не брезговал даже самым завалящим человечком, где надо, помогал, где надо, наоборот, ножку подставлял, но своего добился. И по прошествии пяти лет московское купечество ощутило на своей шее его стальную хватку.

По первости на это не обратили внимания, но потом попытка убрать непочтительного полицейского была жестоко пресечена и пара купцов первой гильдии отправилась в Сибирь. Не на каторгу, правда, а лишь в ссылку, и не голые и босые, конечно, но сам факт заставил многих задуматься. Тогда купечество решило зайти с другой стороны, и его стали приглашать к себе лучшие люди Москвы. А заодно решили и место ему указать, мол, не балуй, паря. Да не тут-то было, он этих бородачей сам в бараний рог согнул, а на прямые угрозы пообещал, что в порошок их сотрёт. И ведь выполнил, да как! Мигом весь комплот разбежался по норам своим, затихнув, и возносили молитвы «Господи, пронеси!». Начав проверку заводских лавок для мастеровых, Аполлон Митрофанович такие бумаги заимел, ух! А там, как известно, нарушение на нарушении сидит и нарушением погоняет. С десяток приказчиков поехали в Сибирь, а купчина второй гильдии Авакумов (до крещения Шнирельман) – аж на Сахалин. Сей выкрест отправился тачку катать за «заказ» хитровским неуживчивого хохла. Из троих подрядившихся лишь один украсил собой скамью подсудимых, двоих подельников Засядько пристрелил (да здравствует дирринжёр!), «счастливчик» получил громадным кулаком в челюсть в самом начале и очухался только в участке. Это оказалось последней каплей, после чего купцы отступили. Извинились и попытались деньжонками купить, как дети малые, право слово. Подношение он не взял, направив обратно, заодно украсив визитёров великолепными «фонарями». Оценили это купцы и признали равным (даже повыше, но умный Засядько это не показывал), сразу приглашения на приёмы и балы появились в доме. Знакомства нужные. Не забывали поздравления с именинами присылать, словом, перешёл Аполлон Митрофанович в другую категорию людей.

После всех этих событий появилась у него тайная страстишка, полюбил он людишек меж собой стравливать. И так это у него виртуозно получалось, что сами жертвы ни о чём таком не догадывались. Рота осназа давно оказалась в его поле зрения отнюдь не случайно, просветили нужные люди, что энто за чудо-юдо. В отличие от других он прекрасно понял, как её можно использовать для своего дальнейшего продвижения. Потому, смотря на сидящих рядом «провинциалов», он просчитывал разные варианты, как в случае чего свалить всё на нерасторопность исполнителей. Нет, что вы, специально он это делать не хотел, да ведь жизнь – вещь двоякая.

– Что же, господа, я даю вам на всё неделю. И ни днём больше.

– У нас война на носу? – спросил я у Стрешнева, едва мы отошли метров с полета от присутствия.

Тот перешёл как раз под крыло Засядько и, получив пару звёздочек и второй просвет на свой погон, должен был оправдать оказанное ему высокое доверие.

– Хм, да нет… – задумчиво протянул Илья Иванович. – Не всё так просто.

– Нас хотят втравить во что-то, очень дурно пахнущее, а самим остаться в стороне, согласно заветам Макиавелли?

Господин надворный советник задумался.

– Скорее всего, да. Мне будут необходимы два неболтливых нижних чина. – Из-под маски добряка и добродушного толстячка, которую носил Стрешнев, блеснули жуткие клыки смилодона. Даже меня пробрало, похоже, все недооценили скромного станового пристава.

– Будут вам люди, – кивнул я, мысленно делая зарубку поинтересоваться более подробно жизнью милейшего Ильи Ивановича.

– Из команды Курта Генриховича? – с самой непосредственной улыбкой осведомился он.

– Конечно, – столь же радушным голосом ответил я.

Вот только глаза меня подвели. В них он прочитал свой приговор: если хоть одна живая душа узнает… и то не факт, что даже молчание спасёт чересчур умного чиновника седьмого класса.

Спустя три дня мой временный начальник (всё никак привыкнуть не могу) Засядько снова собрал совещание, на котором довёл до нас ближайшую задачу. Мне было поручено арестовать и обеспечить сопровождение неких торговцев.

– Знаете, Сергей Петрович, – начал Стрешнев, неторопливо шагая, – я навёл кое-какие справки и выяснил, что наш подопечный ориентирован на контору Когана. Вам это что-нибудь говорит?

– Более чем, Илья Иванович. Так сказать, кормилец наш в турецкую кампанию. – Услышанное от Стрешнева известие не добавило мне оптимизма. – Захват рынка?

– Да, они своими товарами влезли в вотчину наших старообрядцев, – меланхолично продолжил Стрешнев. Со стороны казалось, что он безмятежен, но, поработав с ним, я мог только гадать, что за варианты крутятся в его голове. – Сам купчик не особо интересен. Состоит во второй гильдии, причём в самом низу болтается.

– Этакий купи-продай? – уточнил я.

– Да, вы правы, ну арестуем мы его, штраф наложим за товар негодный. Так ведь больше на него ничего нет. Его даже из гильдии не выгонят, – всё так же задумчиво произнёс Илья Иванович. – Не могу понять, в чём тут дело.

Мне тоже не понравилось, ведь получается: масштабная подготовка, привлечение нас, а на поверку выйдет пшик.

– Гора родила мышь? – высказал я своё предположение.

– Может быть, может быть. Но не уверен. Тут что-то другое. Понимаете, кажется, вот-вот ухватил кончик нити – и сейчас всё поймёшь. Ан нет. Не то. – И он развёл руками, признавая своё поражение.

Всё оказалось намного проще. История эта началась в 1850-х годах. Когда молодой тогда Самуил Поляков изящно облапошил графа Толстого[7 - Реальная история.]. И всё бы ничего, не он один такой лоховатый аристократ, только потомки решили проучить наглого еврея. К мести они подошли по всем правилам. Зацепились на одном из балов с Засядько, то, сё, выяснялось, что и у него на «племя Соломоново» зуб имеется. Через третьи руки вытащили роту, а меня им посоветовал фон Веддинг, угу, вот именно, это ж-ж-ж неспроста. Впрочем, семейство Поляковых своими махинациями мешало и Ротшильдам с Нобилями (а как же без них), которые с превеликой охотой нацелились на русский рынок. Да и державшие московскую (и большую часть окрестных) губернию старообрядческие общины отнюдь не радовал такой конкурент. Но всего этого мы не знали.

Москва. 1881 год. Спустя неделю

Магазин готового платья купца Храпова располагался в «чистой» половине рынка, правда, качество товара не сильно отличалось от «низовой». Схема торговли была проста, но гениальна. На каждый вид товара было по десятку хороших вещей (сделанные из контрабандного импортного материала, так что их цена была чуть ли не в половину от прошедшего таможню), которые покупатели и мерили. А уже при упаковке ушлые приказчики моментом подменяли товар. А на претензии на голубом глазу отвечали, что как можно приличным людям всякую дрянь подсовывать.

Вот и теперь Тёмка суетился у степенного вида мужика, тот строго глядел, как сынок, здоровый мордоворот, подбирает себе сапоги. Эх, похоже, уйдут, у приказчика Савелия Емельяновича Милина аж настроение упало. Ну, нет на изверга сапог, хоть ты тресни. И деньги суют немалые, семь рублёв. Тут ещё один посетитель, и к тем двоим, смотрит на товар, а сам вздыхает. Уж больно вещь хороша. Усмехнулся про себя старший приказчик, с этими не выгорело, так этот деньгу отдаст. Так оно и вышло, выбрал он себе яловые сапоги, с покупателями советуется. А у самого нет-нет да и скользит взгляд по ним. Всё остальное было как по писаному: пока деньгу считали, подменил Тёмка товар.

– Вот так, учись. Понял ли? – важно произнёс Савелий Емельянович. – А вообще день удался, почти полета Рублёв наторговали и себя не обидели. Пара целковых к рукам прилипла. Эх, хорошо, всегда бы так!

В отличном настроении Милин острым взором окинул магазин, всё идеально, как любит говорить хозяин. Ничего, обещал он, что скоро и у него такой будет. Эх, и…

Грёзы старшего приказчика были прерваны совершенно необычным образом. Внезапно из двух закрытых возков выскочили четверо верзил, одетые совершенно непонятно и хорошо вооружённые. С ружьями за спиной и револьверами они не вломились, а как-то ловко просочились внутрь. Кроме них там оказалась ещё пара, одетая в партикулярное платье, но с армейской выправкой. И, главное, на голове у всех были специальные капюшоны, оставляющие лишь небольшую прорезь для глаз.

– Ну-с, любезный, и как вас это угораздило, – услышал голос с барственными интонациями лежащий лицом на прилавке Милин.

Наконец он увидел обладателя голоса. Этакий сельский житель, по недоразумению попавший в Первопрестольную.

– Да что вы тут творите? – Голос предательски сорвался, и последнее слово Милин произнёс фальцетом, от которого громилы глумливо заржали.

Чувствуя, что краснеет, Савелий попытался дёрнуться, но стоявшие рядом полицейские (ну а кто, кроме них, мог быть) жёстко припечатали его к столу.

– Нет, это ты не понимаешь, во что влип. – Давешний селянин походил теперь скорее на бывалого душегуба. – Думаешь, что Бога за бороду ухватил? Нет, шалишь, ну ничего, мы с тобой не здесь поговорим.

Дальше начался кошмар. Сперва вывели вышибалу и двух младших приказчиков, причём здоровенному парняге, едва тот попытался что-то сказать, мигом рёбра пересчитали и выволокли непонятно откуда появившиеся также одетые в невиданную форму полицейские. А после, заломив ему по-хитрому руки, так что он изогнулся, заставили его на потеху зевакам бежать к пролётке…

Харбин. 1900 год

Идя по коридору, Владимир ещё раз прокручивал в голове беседу с отцом. То, что тот многого не договаривает, его не удивляло. Скрытный и жёсткий, он скорее был ему начальником, хотя в редкие моменты покоя они становились теми, кем и должны быть, – отцом и сыном. Своё происхождение он знал, но к семье матери относился нейтрально. Да и, честно сказать, если бы не дед, то видеть эти рожи ему особо не хотелось. Князь, отлично зная его отношение, тем не менее считал своим долгом посылать ему поздравительные открытки на день рождения.

Детство Владимир вспоминать не любил. Сколько он себя помнил, всегда его называли байстрюком или жандармским сынком, а позднее один из кадетов соединил оба прозвища. Ему казалось это очень остроумно, правда, гонорар в виде потерянной пары зубов (увы, молочных) заставил многих задуматься. Стоит ли дразнить бешеного жандарма? Старший курс попытался провести беседу с нахалом, результат – двое оказались в госпитале с ножевыми ранениями. А как, позвольте вас спросить, справиться с тремя подростками, каждый из которых сильнее тебя? Историю замяли, зато перевод на домашнее образование (хотели было отчислить, но тут отец подключил свои связи, и пришлось утереться бородатым харям) он воспринял с радостью. А по достижении пятнадцати лет ушёл охотником в батальон…

Дежуривший в приёмной унтер, получив на руки приказ, тщательно его изучил и лишь после этого пропустил его в кабинет начальника. Сидевший тут же шпак с интересом смотрел на это представление. И всем видом показывал, мол, лишь бы дитя не плакало, но вступать в спор и показывать гонор опасался. Находившаяся здесь троица в полной «штурмовой» экипировке не располагала к диспутам.

– Господин капитан. – Козырнув, Владимир протянул Мейру приказ.

– Садись, – махнул рукой будущий тесть. Ага, именно так, и никто не спрашивал мнения молодых, прям как в стародавние времена. И кстати, в свои восемнадцать он уже имел на своём счету троих, и тут у него счёт явно увеличится. – Вот что, ходить вокруг да около не буду, да и некогда. Людей дам лучших, цени, но и спрос тоже будет жёсткий. Раскачиваться некогда, а потому займись вот этим милым заведением. Для среднего класса, так сказать. Всё обставлено в европейском стиле, заведует там всей кухней Джон Воу. Крещёный китаец, причём из Кантона. Как ты уже догадался, отнюдь не православный – католик. Наверняка английский соглядатай, местные кое-какие его связи

вскрыли, но это мизер. Всё, Володь, действуй.

Легко сказать…

Итак, господин Воу, проживает, так, характеризуется… на британца старается походить. Интересно, в Кантоне очень сильны националистические настроения, и намяли бока в первую опиумную англичанам там изрядно, опять же гадость эту в том же районе уничтожили. Губернатора, который их люто ненавидел, к себе вывезли, и помер тот в Калькутте по вполне житейской причине. И позвольте спросить, а что, собственно, южанин делает на Севере? Кстати, говорит он на северном диалекте очень хорошо. Откуда это у него? Ведь он не более чем дорогой сутенёр, платит, кому положено, никуда не лезет – загадка.

Спустя два дня Владимир с интересом читал отчёт, причём ефрейтор Квашнин сделал рисунки трёх, по его мнению, подозрительных посетителей. Чем они его заинтересовали? Ну, первый – это понятно, подручный Моисея Гинзбурга. У многих в корпусе на него имелся не то что зуб, а целый клык, но связи с верхушкой Морского ведомства спасали его от неприятностей. Номер два – губернский секретарь, проживает во Владивостоке, числится… Ого, портовый работник, значит. Интересно-интересно.

– Господин унтер-офицер, мне его худоба не глянулась, – пояснил ему столь неоднозначный выбор сидящий напротив Квашнин.

Хм, с такими талантами он сам мог быть старшим группы, ладно, приглядимся к нему получше.

– Думаешь, опиум? – напрямую спросил Владимир у него.

Двое рядовых, явные «волкодавы», как называет таких людей отец, переглянулись. Ефрейтор ненадолго задумался, а потом отрицательно помотал головой:

– Нет, не похоже. Тут что-то другое, но что именно, пока понять не могу.

– Третий, хм… – С листка на Владимира смотрел типичный гешефтмахер. – Сын бедных родителей, с Гомельщины?

– Так точно. – После этой шутки он позволил себе чуть улыбнуться. – Скользкий тип, тут, похоже, вроде коммивояжёра. Только с товаром у него не очень. Больше махинациями и спекуляциями здесь занимается.

– Замечательно, просто превосходно! – едва не потирая руки, оживился Владимир. Подчинённые посмотрели на него с тщательно скрываемой настороженностью. Им не нравилось их теперешнее начальство, которое, похоже, считало, что вычислило шпиона, за такое обычно дают либо звание, либо медали. Вот только не подумал малец, что наскоком, как он хочет, сыск не ведётся. Всё это Владимир уловил и, не желая их расстраивать (хотя сей жидок мог и подрабатывать на «сторону»), приказал: – Аккуратно изъять и потихоньку доставить его сюда. – Судя по всему, его авторитет, и так невысокий (не с чего ему расти), упал почти до самой земли. Ничего, игру с гешефтмахером они потом поймут. – А с чего вы, ефрейтор, взяли, что все они нам в данный момент интересны?

– Господин унтер-офицер… – начал было Квашнин.

– Нет, то, что вы их выделили из толпы, это хорошо. Вот только к «боксёрам» они отношения не имеют. Смотрите. – Положив перед собой листок, Дроздов-младший провёл линию, разделив его на две части. – Итак, сюда пишем Джона Воу, секретаря, человека Гинзбурга и этого «орла».

– А во второй что будет? – уточнил ефрейтор.

Рядовые пока молчали, но, похоже, для них такое ведение записей не секрет. Что ж, удивим, наверняка они сведения отдают и в канцелярию капитана Мейра.

– Какие девушки прибыли в этот бордель месяц назад, максимум полтора. И не нападали ли на них хунхузы. – Судя по лёгкой оторопи на лицах, его не совсем поняли. – Вы сводки читали?

– Так точно, – отрапортовали все трое.

– Тогда должны помнить, что у «боксёров» есть бывшие «жрицы любви», – продолжил Владимир. – С якобы чудодейственными способностями в магии[8 - Реальный факт.]. – Ага, судя по просветлевшим взглядам, припомнили. – Дальше объяснять?

– Никак нет, – пристыженно ответили подчинённые, ну как, всё же прямо перед ними лежало.

– Вы разузнайте, кто, когда и сколько, только тихо. И ещё: наверняка наши «пейсатые друзья» привезли сюда на гастроли труппу балерин ли, ещё кого-то. Так вот, аккуратно поинтересуйтесь, не попадали ли они в какой-нибудь переплёт? – озадачил Владимир подчинённых.

На следующий день один из рядовых, Сливин, нашёл его и сообщил интересные факты. Да, проезжал тут три недели назад один импресарио в компании девиц. Очевидец, работающий счетоводом на пристани, помнил, что, кроме них, там была пара китаянок, причём одетых по-европейски. И невысокий коротышка азиатской внешности, опять же щеголяющий в европейском костюме, но парень божится, что драться тот явно умеет. Остановились они у Джона Воу.

– А что, у нашего видока есть опыт? – поинтересовался Дроздов.

– Да, он сам часто участвовал в кулачных боях, – подтвердил Сливин. – Говорит, хоть и мелок, но чувствуется в нём стержень бойца.

– Обычная практика? – уточнил Владимир.

– Да, господин унтер-офицер, такие барышни стоят дорого. Вот и приставляют к ним телохранителя. Ну и попался поезд под обстрел, не сильно, так, пара дырок. Больше пугали. Зухер с дамочками дальше во Владивосток поехал, а вот китайца он видел неделю назад. Причём в китайской одежде, иначе и не обратил бы он на это внимания.

– Уф, – выдохнул Дроздов-младший. – Это не ихэтуани, не может деревенщина такую интригу закрутить. В публичный дом поплоше – да, могли, вдобавок играть роль надобно, ну нет у них театральных способностей. Стало быть, тут другое…

– Не знаю, но, похоже, ткнули наугад, а попали в «яблочко», – отозвался Сливин.

Не обратив внимания на его реплику, Владимир напряжённо думал. Арестовать девиц сейчас? Или обождать? Где искать того китайца-охранника? Ниточка,

ниточка, чуть потянешь, она и оборвётся.

– Так, пойдём.

Подхватив папки, он вместе со Сливиным покинул кабинет.

Ротмистр Митрохин с интересом смотрел на парочку визитёров. Рядовой и унтер, хоть и старший (возраст, правда, у него слишком юный), но всё равно обыкновенные нижние чины, вот только на правом рукаве у обоих интересный шеврон пришит. Чёрно-красная лента в виде латинской буквы V уголком к обшлагу указывает. Для понимающих людей более чем достаточно. Вдобавок унтер назначен начальником контрразведки его туземных частей и по совместительству – сын командира батальона. Хм, похоже, у них, как в старые времена, службу рядовыми начинают. Что ж, может, это и правильно по нынешним временам.

– Господин ротмистр, – унтер протянул ему две папки, – требуется ваша виза и разрешение на начало операции.

– Так-с, изрядно. – Илья Иванович с удивлением поднял на него взгляд. Он ценил тех, кто мог мыслить не шаблонно, а тут это проявилось в полной мере. – Насчёт китайца мне понятно. Дам вам пару рекрутов, в прошлом они бывшие офицеры корейской армии. Понимают и по-русски, и по-китайски. Заодно и проверим, так ли они хороши, как говорят. А зачем вам этот жидок? Он чем может повредить?

– Господин ротмистр, недооценка сионских кругов очень опасна. Данного человека я рассматриваю как разведчика. Он вначале врастёт в среду, а затем получит возможность влиять на сделки. В этом показателен пример Гинзбурга.

– Хм, однако вы чересчур хватили… – Но наткнулся на взгляд этого паренька. Этакое лёгкое сожаление умудрённого годами и опытом старика. Это длилось всего мгновение, и перед Митрохиным вновь стоял унтер, имевший «вид лихой и придурковатый». – Ладно, докладывайте.

– Таким образом, можно сделать вывод о попытке завязать на себя все финансовые потоки. – Договорив, Дроздов-младший замер в ожидании.

– Так, убедили, вот приказ. – Закончив писать, ротмистр пододвинул его к краю. – Поручик Симонов недавно назначен взводным командиром, познакомитесь с ним. Заодно он вам выделит людей. Ещё что-нибудь?

– Никак нет, – в унисон ответили унтер и рядовой. И, заметив знак рукой, означавший, мол, свободны, вышли из кабинета.

– Так, идём к ефрейтору, – приказал Владимир, едва они вышли из приёмной.

– Господин унтер-офицер… – Квашнин, увидев вошедшего начальника, вскочил.

– Нас ждут великие дела, – оборвал его Дроздов-младший. – Итак, садимся и начинаем прикидывать, как будете брать «носа».

– Кх, – кашлянул ефрейтор, его упущения, что фигурант ещё никак не обозначен. А нос, кстати, приметой быть не может. Так что не прост младшенький, не прост. – Как я понял, вы в захвате принимать участие не будете?

– Совершенно верно, старший группы – вы. Приказ о задержании я вам оставлю в канцелярии. Но постарайтесь им не пользоваться. – Завуалированно Дроздов-младший намекнул на возможность провала захвата объекта незаметно. Но тут как повезёт. Дичайшее стечение обстоятельств ещё никто не отменял. – Как закончите, сообщите ротмистру Митрохину. И колоть его. Вопросы?

– Китайцы? – Квашнин вопросительно посмотрел на начальство.

– Ими займусь я. – И, задумавшись на пару минут, спросил: – У вас цивильное есть?

– Так точно.

– Тогда привыкайте к нему…

Джан Лао во второй раз шёл около Затона, стараясь запомнить это место в мельчайших деталях. Вынужденный носить личину христианина, он стоически ждал, когда же наконец будет можно отплатить «носатым дьяволам» за все унижения. Его семья занималась извозом не одно поколение и была очень уважаема среди купцов, но пришедшие на землю Маньчжурии русские ввергли её в нищету. Железная дорога, это порождение демонов, лишила его не только привычной жизни, она забрала жизни отца и старших братьев. Когда торговцы отказались от их услуг, глава семьи решил сам взять то, что ему принадлежит по праву. Вот только забайкальские казаки, охранявшие дорогу, уничтожили весь отряд, когда отец напал на лагерь рабочих. Лао остался тогда совсем без средств, но однажды хозяин харчевни, где он подрабатывал вышибалой, привёл его к важному человеку. Тот, переговорив с Джаном, предложил ему поступить к нему на службу… Понимая, что такого шанса больше не будет, тот тут же согласился. И не прогадал.

Очень скоро он продвинулся от простого бойца к доверенному лицу господина Фаня. Не раз ему приходилось общаться с русскими, которых он винил во всех своих несчастьях, однако умело скрывая свои чувства под маской недалекого азиата. Зато потом он отыгрывался на пленных, особенно ему понравилось лицо русского десятника, узнавшего его… Тот посмел ударить Лао и потому умирал очень долго. Видя столь впечатляющие успехи своего подчинённого, господин Фань лично занялся его подготовкой. Единственное, что вызвало неприятие молодого китайца, – это обряд крещения, но ничего, стерпел, и даже весьма искушённый отец Патрик, проживший в империи Цин два десятка лет, поверил в искренность нового протестанта. Он предложил своему новому прихожанину более внимательно смотреть, что происходит на железной дороге. Поколебавшись для вида и изобразив из себя чуточку недалекого, Дао в конце концов согласился. Господин Фань лишь скривился, узнав об интересе протестантского священника. Движение ихэтуаней он встретил с опаской, хотя крестьяне и боролись главным образом с «белыми дьяволами», но что будет потом? Как заставить после эту массу идти обратно обрабатывать поля? К счастью, это не его заботы…

Его мысли были прерваны неведомой силой, швырнувшей его на землю, выбив дыхание. Краем сознания, услышав тихие шаги, он сквозь пелену боли, застилающую глаза, увидел, как к нему подошли две тени. И, подняв, потащили. Последнее, что запомнилось, – как к лицу подносится тряпка с каким-то странным запахом. Пробуждение было отвратительным, голова болела, тошнило, и лишь невероятным усилием он сдержал рвоту.

– Ну-с, любезный, по-русски ты говоришь, так что обойдёмся без переводчиков, – произнёс со скучающим видом мальчишка с погонами унтера. За спиной кто-то переминался, вот только едва Джан попробовал повернуть голову, как тут же получил подзатыльник. – Голову не поворачивать, смотреть перед собой! – рявкнули прямо над ухом.

– Да, сцо вы, насяльник, – забавно запричитал он, стараясь понять, куда попал.

Не похоже, что это жандармское управление. Скорее всего, подвал, только где? Но времени прийти в себя ему не дали.

– Ага, – со змеиной улыбкой пропел жандарм, – ты ещё покланяйся, мол, «моя твоя не понимай». – И мгновенно стал серьёзным. – В общем, так: или ты начинаешь говорить и остаёшься в живых и даже с целой шкурой, или я у тебя выбиваю всё, но тогда тебя проще будет пристрелить. – Заметив, что китаец попытался продолжить валять ваньку, унтер повелительным взмахом руки заставил того закрыть рот. – Ты, кстати, не заметил, как с тобой общаются?

Лао, сделав испуганное лицо, промолчал. Попытка слегка пошевелить руками не осталась незамеченной. Стоявший позади неизвестный вновь наградил его подзатыльником.

– Не двигаться! – От крика даже слегка заложило ухо.

– Идейный. – Владимир чуть скривился, с фанатиками общаться очень трудно. Нельзя быть уверенным до конца, что даже с помощью пытки «клиент» сказал правду. А если так? – Кстати, а эти идиоты, я сейчас «боксёров» имею в виду, до сих пор не догадываются, что после цицикарский губернатор начнёт их давить? – Выстрелил наугад, но, судя по тому, как дёрнулся пленник (немного, но этого опытному глазу хватило), попал в самое «яблочко». – Понятно, мы молчим и говорить не желаем. Господа офицеры!

Наконец Лао понял, что ему не давало покоя – акцент, они говорили с лёгким акцентом! Перед ним стояли корейцы, в их глазах он прочитал свой приговор.

Унтер кивнул на сидевшего китайца…

Два корейских офицера (правда, не армейских, а жандармских, если перевести всё на русский), проходящих «практику», дело знали. И спустя час пленный заговорил. С бесстрастным лицом взирая на происходящее в комнате, Владимир мысленно восхищался отцом. Когда ему, так сказать, представили обоих «рекрутов», он поинтересовался, как они попробовали бы взять китайца живьём, не попортив особо шкуру? Недолго думая те предложили дистанционный способ, но предупредили, что возможны накладки. Подопечный явно не тупая деревенщина. Поинтересовавшись насчёт пращи, Владимир получил чёткий ответ, что ночью свист рассекаемого воздуха будет как звук иерихонской трубы. Открыл небольшой ящичек, в котором до поры скрывался английский арбалет, стреляющий пулями. Сия игрушка была подарком деда в честь первого чина. Господа офицеры опытным взглядом мгновенно оценили качество оружия и метод взятия «языка». Трудностей особых не было: привычно собрать арбалет (пришлось нести его в разобранном виде), самое главное – не шуметь, взводя тетиву, и аккуратно зарядить. Дальнейшее было, как на охоте: поймать в прицел корпус и мягко спустить крючок. Свинцовая пуля мигом уложила китайца, подчинённым осталось лишь доставить трофей в «логово».

Теперь корейцы, которых гнобили все, включая и китайцев, с превеликой охотой возвращали старые долги. Зрелище было ещё то, поэтому Дроздов-младший старался абстрагироваться от этого с помощью «гимнастики для ума», как называл такой метод отец, в данный момент он «перемывал кости» своему начальнику. Ротмистр, конечно, догадывался, что создание туземных частей – не вынужденная инициатива одного офицера, пусть и имеющего серьёзные полномочия. Всё санкционировалось с самого верха, и империя осторожно залезала в Корею, которую Япония считала своей колонией… Но сейчас пока не до этого. Китаец оказался цицикарским шпионом, жалко, конечно, что не резидентом, но тут грех желать большего. Тут, на удивление Владимира, схлестнулись, как говорил отец, интересы нескольких сторон. «Боксёры», желающие всё разломать и жить в «народоправстве». Ну, с ними всё ясно – «пушечное мясо», которое потом перебьют. Сам губернатор, желающий заполучить ценности и часть дороги, со всеми городками, посёлками и разъездами. И англичане, желавшие одёрнуть русских, нацелившихся на всю Маньчжурию. Плюс японцы, не желающие усиления России в регионе, который они уже считали своей вотчиной.

– …Кто ещё должен мешать обороняться, вредить? – Голос русского доносился словно издалека. – Приведите его в чувство.

Ледяная вода обрушилась на Лао. С трудом разлепив глаза, он с ненавистью посмотрел на абсолютно невозмутимого «белого дьявола».

– Ничего, ты у меня заговоришь, продолжайте… – Смотря на то, что раньше было человеком, Владимир про себя повторял: «Так надо». И вспоминал про голову русского мальчонки… Когда всё было кончено, он кивнул: – Закопать. – И, сохраняя полную невозмутимость, вышел. Что ж, отец, если бы увидел его в эту минуту, остался бы доволен.

Нет, это просто уже все границы переходит, сплошное оскорбление мундира, да только никто этого гешефтмахера не осадит. Сливин и Качанов ждут в коридоре, ефрейтор сейчас в роли писаря, а главное, ротмистр Митрохин сидит с пришибленным видом. Ну да, и Владимиру после того, как он увидел в протоколе пару фамилий, стало тоскливо. Безобразов, куча министров (особенно «порадовал» Абаза) и их товарищей и великий князь Александр Михайлович, венчавший этот список. Тут и отцу не совладать.

Достав записную книжку, Владимир быстро черкнул пару строчек, вырвал и передал листок Митрохину. Тот, прочитав, достал спички и сжёг его. Атмосфера мгновенно накалилась. Сидевший до этого с видом римского патриция Абрам Рубинчик насторожился, появившийся в кабинете унтер из батальона осназа его поначалу не встревожил. Но та записка…

– Ты родом откуда? – Неожиданный в такой ситуации вопрос на секунду выбил его из колеи. Молоденький унтер с интересом смотрел на него. Так смотрят на насекомое, перед тем как его раздавят. – Крестовского читал? – Странные вопросы заставили Абрама нервничать. Про батальон ходили недобрые слухи, что там процветает антисемитизм. – Совсем не слышит. – И неожиданно он оказался на полу, сбитый оплеухой унтера со стула.

– Что вы себе позволяете? – Абрам попытался придать себе вид… Но, увидев ухмылку мальчишки, сник.

– Всё, что хотим, – усмехнулся ротмистр. – Унтер-офицер, вызовите конвой.

– Слушаюсь, вашбродь, – вытянулся тот в струнку, молодцевато щёлкнув каблуками.

Вошедшие одетые в штатское молодцы не добавили Рубинчику оптимизма. Ибо были его похитителями. Вне всякого сомнения, жандармы решили сыграть в свою игру. Однако он продолжал сидеть на полу, делая вид, что сильно избит.

– На стул его усадите, – приказал унтер.

– Ну-с, милейший, – ёрнически заговорил ротмистр, – у вас нет выбора. Сейчас вы дадите подписку о согласии осведомлять меня о планах ваших компаньонов и начальства. Это будет не очень обременительно.

– А если я не захочу? – перебил его Абрам. И перешёл в наступление, ну приложили ему по шее, ничего, потом каждому припомнит. – Что вы мне сделаете? Пытать начнёте? Или попробуете опорочить, говоря, что я ваш осведомитель?

– М-да, откуда у вас такие представления? – На лице унтера заиграла презрительная улыбка. – Просто вы в один прекрасный день пропадёте без вести. Край тут неспокойный, сами знаете, как хунхузы шалят. Да, вот так просто и незамысловато. Ну нет у нас времени с вами возиться, перетряхивая ваше «грязное бельё», провокации устраивать. Не тот вы человек, и так сойдёт. Давайте подписывайте и начинайте «исповедь», вас ещё надо аккуратно вернуть в мир живых.

– Володя, – обратился к Дроздову Митрохин, делая вид, что Рубинчика не существует. – Если он не подпишет, как собираешься его проводить? – включился в игру ротмистр (хм, а ведь если что, спишут раба божьего, мелькнуло у него), достав портсигар, словно решая, закурить или нет. – Учти, только самые тривиальные причины, никакой экзотики, типа укуса змеи или отравления опиумом.

– Хорошо, – согласился Абрам, поняв, что шутки кончились и он вполне может не пережить эту ночь. – Где расписаться кровью? – решил пошутить напоследок.

– Рядовой, – унтер повернулся к Качанову, – накалите ему палец.

– Нет, – завизжал Рубинчик, когда его мгновенно скрутили и здоровенный бугай собрался на полном серьёзе ткнуть в его палец появившимся откуда-то стилетом. – Не надо, я всё понял, я пошутил неудачно.

– Отпустить, – скомандовал ротмистр. – В следующий раз меня может не быть рядом. Думайте, а лишь потом говорите. И не вздумайте обманывать, иначе… – И он многозначительно замолчал.

Харбин. Штаб батальона осназа

Сидящий напротив Извольский спокойно ждёт, пока я дочитаю его записку. Он вообще-то флегматик, но и его вывело из себя местное начальство. Очень плохо, мы не успеваем построить нормальных укреплений, материалы, которые я намеревался позаимствовать «во временное пользование» у артурцев, частью не прибыли, частью разворованы, а частью просто откровенное дерьмо. Именно это слово и употребил милейший Артемий Сергеевич.

– Цемент, вместо «Портленда», жуткая мешанина. – Сапёр до сих пор пребывал под впечатлением от ревизии.

Его можно понять, ведь перед этим он читал доклад нашего военного агента из Берлина. В нём перечислялось, сколько и чего немцы вкладывают в Циндао. И будьте уверены, что все материалы были наилучшего качества. – Бог с нами, мы выкрутимся. Но как в Артуре будут строить укрепления?

– Так и будут, – «порадовал» я его. – А насчёт нас не уверен, экспедицию на усмирение Мукдена придётся отменить.

– Да, мне неприятно это говорить, но мои планы нужно полностью пересматривать, – согласился со мной Извольский.

– Артемий Сергеевич, ознакомитесь, – протянул я ему последнее донесение от разведки.

– Да, вы уверены в источниках? – осторожно осведомился тот.

До фактического начала боевых действий с частями китайской армии, да-да, именно китайской, а не с бандами «боксёров», оставалось чуть больше месяца. А у нас укрепления лишь намечены…

– Не уверен, возможно, противник, поняв, что подготовка к наступлению вскрыта, начнёт боевые действия гораздо раньше, – «утешил» я его.

– Да, на такое никто и не рассчитывал, одно дело – толпы крестьян, другое – армия, пусть и такая, – признал он. – Тогда мы тоже не будем терять ни минуты. Я скорректирую сроки и виды укреплений в свете будущих боёв. Разрешите идти?

– Да, конечно, Артемий Сергеевич.

Когда за капитаном закрылась дверь, я достал из сейфа папку с грифом «Совершенно секретно». Развязав шнурки и раскрыв её, начал искать рапорт Мейра о находящихся на территории Маньчжурии ценностях. После доклада Извольского я решил посмотреть, что это за имущество, принадлежащее КВЖД, и, главное, где оно находится.

Отложив в сторону карандаш, я горько усмехнулся. Воистину, кому война, а кому мать родна – суть очередной аферы была проста, как всё гениальное. Нет, ну наглецы, отлично знают, что обстановка у нас неспокойная, и всё равно гонят и гонят сюда эшелоны. Буквально подставляют их под нос «боксёрам»! В двух местах уже случились поджоги складов с грузами. Только меня, как говорил герой Яковлева, «терзали смутные сомнения», что сгорели именно они. Что же, раз так, то и нам негоже ворон ловить. Составляю приказ о взятии под охрану и вывозке грузов в безопасное место, ответственный за приёмку будет капитан Мейр. А вот за доставку – получатели и начальники станций. Так-с, печать, подпись, отдать приказ Потапову, пусть проведёт. Мстительно улыбаюсь, зная склонность Курта к ордрунгу, ой, поедет кто-то на Сахалин, тачку катать. Или станет нашим сотрудником, но это ещё заслужить надо.

Идём дальше. За этот лист наглы, пожалуй, не пожалели бы денег, ибо в этом рапорте я доносил на высочайшее имя, что начата подготовка группы офицеров и унтеров пеших команд. Вся изюминка заключалась в национальности – корейцы. А это уже прямое столкновение с японцами, плюс китайцы тоже не будут в восторге. И те и другие считали Страну утренней свежести своей колонией. Вот поэтому и были предприняты беспрецедентные меры секретности и дезинформации. И мой якобы экспромт о привлечении на службу туземцев – обычная «дымовая завеса». Да, господа, ставки слишком высоки, чтобы проиграть. В данный момент империя совершенно беззащитна со стороны Дальнего Востока, наверху это отлично понимают. Наши поселения и города

малочисленны, не имеют вдобавок промышленной базы, Владивосток, как место базирования ТОФа, далеко не лучший выбор, но хотя бы территория наша. Камчатка фактически заброшена, уровень развития её низок. Это не я придумал, это справка офицеров Главного штаба, и это я ещё смягчаю положение. Пару лет назад приняли программу развития региона, но, увы, после смерти великого князя Георгия, как всегда, началось любимое чиновническое занятие – «распил бабла», причём уже никем не ограничиваемый…

Вдруг мне вспомнилось, как я впервые увидел Безобразова. В нашей истории он оставил после себя славу разжигателя Русско-японской войны. Хотя он ещё четыре года назад заявил, что эта война обязательно произойдёт[9 - Реальный факт.]. Тогда он что-то оживлённо рассказывал цесаревичу Николаю, энергично жестикулируя. Стояли они довольно далеко, и о чём шёл разговор, я, к сожалению, не слышал.

Он был довольно крепким мужчиной, пышущим энергией, и совсем не совпадал с моими представлениями о нём. Мне он рисовался толстым, одышливым стариком с маслянистыми глазками, дурацкими бакенбардами и нечёсаной бородой. Что делать, надо мной довлели итоги проигранной войны, а если бы всё произошло наоборот, то его портреты украшали бы учебники истории, как портреты Потёмкина, Миниха и других, кто мечом расширял пределы державы. Николаю нравилась риторика отставного гвардейца, плюс происшествие, случившееся с ним в Японии, тоже давало о себе знать. Читая донесения, я, признаться, был удивлён его разумными предложениями усилить натиск империи на Дальнем Востоке (нашем!). Безобразов предлагал, говоря «высоким штилем», стать твёрдой ногой на Тихом океане. Только сразу, как мухи, появились весьма «интересные» личности вроде Абаза, которого я с превеликим удовольствием вздёрнул бы на первой попавшейся осине. Вот сии клептоманы сильно прогадали, хоть и болеет наш император, а всё одно, «вожжи» держит крепко. Забыли «священную дружину», а зря, ведь она была не более чем ширмой для нас, отдельного батальона осназа и конных команд…

Москва. 1881 год

На Руси говорят, что от сумы и от тюрьмы не зарекаются. Только сейчас старший приказчик Милин понял всю глубину этой мудрости. Маленькое окошко под самым потолком давало мало света, и потому в камере царил сумрак. Крошечный пенал одиночки буквально давил, как бы говоря: ты останешься

здесь навсегда. Где его подчинённые, он не знал, но, похоже, их в первую очередь поволокли на допрос. А он остался напоследок.

«Кто? Кто мог приказать? – эта мысль не давала покоя. Милин отлично понимал, что сам по себе он никому не интересен. – Что произошло? Неужели и хозяина? – Два шага вперёд, поворот, два шага назад. Словно запертый в клетке зверь, Савелий метался по камере. – Да, так и есть. Хозяин тоже не великая шишка. Так, а что у полицаев на него есть? Товар. И всё. Теперь надо подумать, брать на себя всё или топить других? Тёмка наверняка заговорил. Эх, спокойно. Пусть вызовут и спрашивать начнут. Прикинусь этаким тугодумом. А там видно будет. О, за мной похоже…»

Глухие голоса, лязг открываемого замка и противный скрежет двери. Надзиратель, окинув его мимолётным взглядом, покосился на конвойных. И вот тут Савелий испугался: вместо привычных солдат на него смотрели двое, в такой же одежде, что была и на тех, кто его арестовал.

– Ну, что встал. – Хриплый голос надзирателя вывел Милина из оцепенения. – Выходи, за тобой пришли.

– Кха, а, да, сейчас. – И, преодолевая внезапно возникшую слабость, он сделал шаг вперёд.

Видимо, им не впервой видеть такую реакцию, мгновение – и с хитро вывернутой рукой он неловко засеменил по коридору…

– Вашбродь, заключённый доставлен, – доложил один из конвоиров, усадив Савелия на вмурованный в пол стул.

– Ждите за дверью, – приказал точно так же одетый, скорее всего, офицер. Отличить его от рядовых было невозможно. Повернувшись к давешнему полицейскому, он произнёс: – Смотрите, Илья Иванович, вот она, типичная жертва страшного произвола жандармов. «Интернационал» нам споёшь или там «Марсельезу»? – Лицо офицера было скрыто под маской, но в его глазах была издёвка. – Хотя, отставить. Это же гимн Франции. М-да, какая страна – такой и гимн. Молчит ирод, хоть бы вякнул, с чего это его, беднягу, подвергли аресту, – продолжал издеваться тот.

– Господин капитан, вечно вы начинаете клиента пугать. – Живчик спокойно смотрел, как набычившийся Савелий начал зло зыркать исподлобья. – Вон, человек уже трепещет.

– А это мы быстро, раз, два и в дамках, – легкомысленно ответил поименованный капитаном.

– Всё бы вам резать. – И, повернувшись к Савелию, продолжил вполне доброжелательным тоном: – Вы не думайте, что он, – кивнул на жандарма, – шутит. Всё вполне серьёзно. Поймите правильно, вам не повезло. Человек вы умный, как в досье написано, склонный к осторожности. Подумайте, сейчас я буду задавать вопросы, а вы мне всё без утайки расскажете. Иначе этот замечательный человек останется с вами наедине. Но тогда уже я ничем вам помочь не смогу. Вы просто исчезнете. Совсем. Если вас это интересует, то в трубе Неглинки ваших костей не будет. Вот, пожалуй, и всё, что могу вам обещать.

– А нечего мне вам, господа, сказать, – облизнув губы, хрипло произнёс Милин. – Пугайте вон других, меня не обманешь.

– Угу, у меня есть лицензия на убийство, где в графе количество стоит пропуск. Теперь тебе всё понятно, идиот? – со скукой в голосе «порадовал» его жандарм. – Не придуривайся, ведь ты из крестьян, и не пахарем был, а при барине состоял. Хотя и торчал не дальше передней, но кое-какие ухватки освоил. Да и кругозор свой расширил. Всё. Больше угроз, криков не будет. Уважаемый Илья Иванович задаёт вопросы. Если ответы его не устраивают, то их буду задавать я.

– Итак, когда поступает гнилой товар? – Взяв в руку карандаш, полицейский приготовился записывать. Не получив ответа, он поднял глаза на приказчика. Тот сидел, сгорбившись, и смотрел в пол. Вздохнув, Стрешнев продолжил: – Когда и откуда приходит выставочный образец? – Милин упорно молчал. – Сергей Петрович…

Когда Стрешнев зашёл снова, спустя минут десять, сидевший мало напоминал того строптивца, решившего, что с ним играют. Заплывший глаз, свёрнутый нос, ну и так далее. Похоже, Дроздов себя не ограничивал. Теперь приказчик вёл себя сговорчивее. Словно от его ответов зависела его жизнь. Тут неожиданно

Илья Иванович понял, что так оно и есть. Этот взгляд… Впервые в жизни он почувствовал, что значит распоряжаться жизнью и смертью. И не по уложению «О наказаниях…», а вот так, по своей собственной воле. Это очень напугало Стрешнева, не понравились ему эти ощущения.

– …себе, значит, процентик выбивал, – вернул его в реальность Дроздов.

Убедившись, что мгновенная слабость прошла и этого никто не заметил, Илья Иванович с новой силой ринулся «в бой». Мелькали имена, даты, количество товара. Постепенно стало ясно, что Милин, как видок, исчерпан. Ещё раз прогнал некоторые вопросы, и, убедившись, что тот не соврал, Стрешнев засобирался.

– Сергей Петрович, голубчик, вы отконвоируйте его, – кивнул на съёжившегося от его слов приказчика. – А я побегу, дел много…

– Стоило так делать? – Илья Иванович отложил рапорт штабс-капитана Дроздова, сообщавший, что задержанный по подозрению в мошенничестве Милин Савелий скончался от апоплексического удара.

– А, вы об этом. – Офицер отреагировал на это совершенно спокойно. Словно не человека убил, а так, комара прихлопнул. – Да пёс с ним, не забивайте голову. – Но, увидев его неодобрительный взгляд, вздохнув, начал говорить. Но вещи, жуткие своей простотой. – Вы, любезный Илья Иванович, многое считаете обыденным и не придаёте этому значения. Для вас пара сапог, которые развалятся через неделю, неприятность.

– Ну, право слово, Сергей Петрович… – слегка решил он пожурить молодого офицера.

– Илья Иванович, вы уж извините, что вас перебиваю… – Стрешнев всем видом показал, что готов слушать. – Так вот. Крестьянин или мастеровой копят на эту обувку годы. Да-да, именно так, не буду вдаваться в подробности, просто, если вам интересно, можете сами всё разузнать. И данному крестьянину или мастеровому, получившему шиш, а не вещь, это полная катастрофа. Потому отношение у них к таким пройдохам, как к конокрадам.

– Неужели из-за этого можно убить? – растерянно прошептал Стрешнев.

– Боюсь, что да. – Мне было не по себе, когда умный и образованный человек, живущий в России, не видит её пороков. Или это защитная реакция? – У моих подчинённых наверняка кто-то пострадал от таких «умных и оборотистых» коммерсантов. – Нет, не понял он, не прочувствовал. – Просто, Илья Иванович, справедливость восторжествовала здесь и сейчас. И давайте забудем этот разговор…

Спустя три дня в мой личный архив легли первые документы, где рукой больших людей были оставлены автографы о принятии весьма существенных сумм. Причём оригиналы. Я не сомневался, что нами заинтересуется «противоположная» сторона. И действительно, скоро меня вызвал к себе товарищ прокурора, пока, правда, Москвы, но всё равно величина. Да, смотрю, не мелочатся, Поляковы зашли, как говорится, с козырных валетов. Попытались меня «дёрнуть», но тут я попросил их получить для начала документ, разрешающий им задавать мне вопросы.

– Поймите правильно. – С издевательской улыбкой я доводил этого хлюста до бешенства. Он еле-еле сдерживал себя. – Не могу вот так запросто с вами говорить. Тайна!

– Вы… – всё же вышел из себя этот «товарищ», но хлёсткие слова проглотил, не вякнул, собака. – Ваши люди…

– Давайте так, – пресёк я его дальнейшие разглагольствования. – Вы сейчас пишете ваши вопросы, оформляете их в канцелярии с печатью и кучей подписей в трёх экземплярах. Один у вас, один у меня, и ещё один отправляется в столицу КУДА СЛЕДУЕТ. – Я выделил голосом последние два слова. – И там вышестоящее начальство визирует ваши вопросы. Всё. Другого варианта нет. Хотя вы можете послать запрос лично в Собственную Его Величества канцелярию…

Как там, у Филатова: «Раздавил бы гниду, да не кажет виду, делает взгляд, как будто бы рад…» Утёрся и больше нам не мешал, кстати, шуму особого и не было. Брали-то в основном мелочь, хотя три купца второй гильдии отправились «на нары», но все, и они в том числе, знают, что отделаются крупным штрафом. На всё про всё ушло две недели. Одним словом, итог как итог. Поляковым, правда, досталось, и из Белокаменной их вышвырнули. А после всё успокоилось, и опять ушлые приказчики обманывали приезжих простаков…

К нам едет… нет, не ревизор, а более влиятельный человек. Полковник Сазонов Андриан Сергеевич, начальник офицерской школы пеших команд. Не велика птица, подумает сторонний человек. Более внимательный усмехнётся, мол, отправили дедулю досиживать в «тёплое место» перед отставкой, а заодно и подкормиться. Выглядел он и вправду словно осколок то ли Крымской, то ли времён польской войны. Сухонький, седые волосы зачёсаны вперёд по-николаевски, этакий реликт былой эпохи. Но не правы ни те ни другие, поскольку полковник Сазонов осуществляет до сих пор, как говорили в моё время, «чёрные операции». Да, убийства, похищения людей и документов. Я участвую в этих делах, причём довольно давно, и интуиция просто орёт, что его прибытие сюда для меня – это шанс. Иначе через два десятка лет отставка и возможность ощутить на своей шкуре все прелести Гражданской войны в преклонном возрасте. Это если доживу…

Инспекция, как ей и положено, прошла по стандартной схеме: внешний вид, приёмы с оружием, строевая с торжественным прохождением и снятие пробы с обеда. После всех этих мероприятий он попросил Курта покинуть ротную канцелярию.

– Ну-с, недурно, Сергей Петрович, очень даже недурно. – Ну, прям отец родной: чистый взор, гордость, словно я его любимый сын или внук.

– Рад стараться, Андриан Сергеевич, – слегка прикинувшись «деревянным», ответил я.

– Что же. – Моментально исчез чудаковатый дед, а на его месте материализовался видавший виды убийца. Если честно, то и у меня холодок между лопаток пробежал, хотя и у самого кладбище приличное, а поди ж ты. – Давайте приступим к делу. Государь наш решил создать для борьбы со смутьянами и нигилистами особую организацию. Она будет называться «Священная дружина». – При этих словах я не смог сдержаться от презрительной ухмылки. – Вас это забавляет, господин штабс-капитан? – Однако ледяной тон Сазонова не произвёл на меня впечатления.

– Если честно, то да. – Оправдываться, мол, не так меня поняли, сейчас смерти подобно. – Господин полковник, в эту, с позволения сказать, «Святую бражку» мигом запишется половина света. И вместо рыцарей будут скоморохи.

– Хм, – нехорошо посмотрел на меня Сазонов, очень нехорошо. – Значит, вы считаете решение императора профанацией?

– Да. – Сдавать назад уже нельзя. Ух, подловил меня, старый хрыч. А с другой стороны, что терять-то? Резанём правду-матку, полковник терпеть не может только одного – «особой гибкости спины». – Это только кажется, что человека убить легко. Живучи мы, да и уменья для данных дел потребны иные. Не дуэлировать, а ножиком, да чтобы тихо и с одного удара. И уйти надо незаметно, да полицию по ложному следу направить. Сумеют так сделать эти новоявленные «гридни», съем своё кепи.

– Что же, я рад, что не ошибся. – И он протянул мне конверт.

Вскрыв его, я обнаружил небольшой листок, на котором красовалась личная печать императора. Встав (Сазонов также последовал моему примеру), с трепетом сорвал печать. Ух, не скрывая своей радости, ещё раз перечитал текст. А затем, сминая лист, кладу его в пепельницу и поджигаю. Пламя быстро охватывает бумагу. Дожидаюсь, пока почти прогорит, и подсовываю туда же конверт. Всё, инструкции выполнены.

Глава 3

1

Москва. 1881 год

Скажите, Сергей Петрович, почему вы не любите евреев? – Полковник с интересом смотрел на мою реакцию.

Но вид у меня был донельзя удивлённый: вопрос был, если честно, неожиданный. Я никогда антисемитизмом не страдал, для меня был важен сам человек.

– С чего вы это взяли?

– Слухами земля полнится, да и последнее ваше дело… С огоньком работали. С душой… – с непонятной интонацией протянул он.

– Боюсь, вас неправильно информировали. – Тема была скользкой и в моё время, и в эти годы. С одной стороны, «куда прёшь, жидова морда» (только уже редко такое можно услышать от аристократии), а с другой – постепенно кагал скупил русских дворян, и теперь им приходится отрабатывать полученные денежки. Андриан Сергеевич, судя по всему, был заинтригован моими действиями. – Для начала надо разделить их на собственно евреев и других.

– И? – Несомненно, моё восприятие этого вопроса его заинтересовало.

– Евреи – прежде всего народ. И, как всякий народ, они разные. Есть хорошие, есть плохие. Есть приличные люди, занимающиеся уважаемыми профессиями, как часовых дел мастера, как портные, аптекари, купцы… – Я прервался, вспомнив, как стали выть разные псевдоеврейские организации и фонды, когда в России начали прижимать гешефтмахеров. Почему псевдо? Ответ очень простой: Прибалтика, в просторечии «шпротня», где ветераны Ваффен СС в моё время стали главными героями. На наши заявления «офень несафисимые» государства откровенно наплевали. Как же, в НАТО вступили, в Евросоюз, кто нас тронет, тот три дня не проживёт. Нормальное положение, в общем, ничего нового. За исключением официальной позиции государства Израиль. Вот этого я не понимаю: то они орут о холокосте (выделяя одну нацию), то словно в упор не видят и не слышат, что происходит в этих странах. Ничего, кроме гадливости, у меня это не вызывает. Там же практически всех евреев уничтожили, а эти… – А есть шинкари, торгующие откровенной отравой, сутенёры, различные «агэнты», контрабандисты… Таких и среди нас хватает. Теперь перейдём к третьим. Это Ротшильды, Поляковы и так далее. Вот именно их люто и ненавидят, причём все, от простого мужика до владетельного князя. Они создали СВОЮ, можно сказать, параллельную власть. И уже на данный момент успешно конвертировали деньги во власть. Свергают правительства и правителей, что далеко ходить, вон у нас заём с ними обсуждают.

– Да, – иронично прервал меня Сазонов, – очень интересно, достаточно подробно и в то же время не растекаетесь мыслью по древу, Сергей Петрович.

– Именно так. – И я очень осторожно продолжил столь опасную тему: – Вспомните, пожалуйста, о Севастополе. И государя императора Николая Павловича…

– О чём вы говорите? – посмотрел он на меня с искренним недоумением.

– Да-да, были, понимаете, возможности стать исповедником, – напустил я туману. Говорить о знаниях из будущего и открываться полковнику… увольте. Вроде и много сказал, и конкретики нет. – И это здорово мне не понравилось, и не только мне, сами понимаете…

– Кто ещё об этом знает? – спросил он ледяным тоном. Властно так, как человек, облечённый ДОВЕРИЕМ и ВЛАСТЬЮ.

– Я и Мейр.

Судя по перекосившемуся лицу, в данный момент он пытался просчитать, где и кто мог «исповедаться». Плевать. Он меня специально на откровенный разговор пригласил, и теперь гадай, прошёл я тест или нет? Значится, работает милейший Андриан Сергеевич этаким кадровиком, «покупателем» так сказать. Внезапно он улыбнулся:

– Что же, Сергей Петрович, удивили вы меня, очень удивили. – И построжел: – Пока спрячьтесь обратно в тверские леса, тут должно затихнуть шевеление. Пусть все будут считать, что вам выразили неодобрение. И да, можете посвятить своего зама в нашу беседу… – Расклад в этот раз оказался в мою пользу…

– Курт, я пригласил тебя, чтобы сообщить пренеприятное известие, – огорошил я Мейра.

– Угу, к нам едет ревизор? – меланхолично парировал он.

– Правильно, причём ты мог видеть его отъезд. – И я перешёл на серьёзный тон: – Мы снова в деле. – Судя по загоревшимся глазам поручика, ему до смерти надоело наше нынешнее прозябание. – Для начала самая приятная новость за пару последних лет. Итак, император приравнял наш батальон к стрелкам. Причём роты теперь попадают под положение об отдельных частях. Теперь о

грустном: наш милейший гость после разговора со мной о несчастной судьбе «бедных», в кавычках, евреев предложил отсидеться в знакомой глуши, – всё-таки сбился я на ёрничество. Курт это мигом просёк и замер, ожидая продолжения. – Сам понимаешь, что фамилии их были Поляков, Коган…

– И другие, – понятливо подхватил Мейр. – И чем нам грозит немилость псаря? – Оценив моё удивление от столь простонародной фразы, он продолжил: – Я хоть и немец, но русский немец.

– Пока мы повышаем свой ранг до уездного, – ответил я фразой из своего времени.

– Ух ты… – неуверенно протянул Курт, пытаясь передать всю глубину своего знания народных слов.

– Да, только хочу тебе напомнить судьбу наших знакомых. Плевну помнишь? – жёстким тоном пресёк я его слегка восторженное настроение. – Вот, вспоминай почаще. И как «дуэль», в кавычках, устроили, и как комбат чуть Богу душу не отдал в лазарете. Теперь нас будут, словно волков, убивать.

– А это мы ещё посмотрим, – ощерился в жутковатой ухмылке Мейр.

Харбин. 1900 год

Вы хотите почувствовать себя товарищем Сталиным? Ну-ну, не советую. Разбирая очередное донесение от разведки, мне захотелось взвыть. Да знаю, что скоро бои начнутся, знаю. Вы мне лучше скажите, где и когда? Если вопрос «где?» более-менее закрыт – Цицикар и Мукден, то на второй ответ стандартный: где-то середина июня[10 - В РИ начало русско-китайской войны пришлось на 22 июня 1900 г.]. И так каждый день. Так и неврастеником станешь. Сообщения с каждым днём становились всё тревожнее, то там, то тут шайки ихэтуаней пробовали на прочность дорогу, нападая на служащих и охранную стражу. Отмечались случаи братания правительственных войск с «боксёрами», причём их становилось всё больше и больше. Ситуация стала выходить из-под контроля, и если в Шаньдуне Юань Шикай драконовскими методами обуздал восставших, то в провинции Чжили они чувствовали себя как дома. А тут ещё и Митрохин добавил головной боли, заявившись ко мне с красными глазами

матёрого вампира и сообщив, что, по его сведениям, за достоверность которых он головой ручается, китайские войска выступят совместно с «боксёрами».

– Илья Иванович, уточните, желает ваш агент обрести ВЕС и нашу благодарность? – Ротмистр, естественно, не давал данных на своего человека, но такие сведения доводят только до старших офицеров. – Только ответ нужен как можно скорее.

– Сергей Петрович, три дня, раньше никак, – огорчённо развёл руками тот.

– Что же, всё равно выбора нет, действуйте…

Вспомним опыт прошлого, вернее, будущего, а именно бронепоезда. Я придвинул к себе данные по паровозам и «засел за расчёты». Спустя час у меня кое-что начало проясняться. Увы, но даже нечто вроде «хунхуза» нам не потянуть. Тут соединилось и отсутствие качественной броневой стали, орудий и, наконец, слабая техническая база харбинского депо. Но не стоит отметать саму идею, котельное железо, мешки с песком и две пушки Барановского вкупе с двумя митральезами, добавить стрелковый взвод – и для данного театра вполне вундерваффе. Скорострелки и картечницы вдобавок поставить на тумбы по примеру морских орудий. Всё, теперь составить калькуляцию и лично (именно так) проследить за исполнением работ.

Достав из сейфа папку, вложил туда листы и отправился в соседний кабинет, где располагался начштаба. Кроме него там находились два офицера – казначей поручик Миронов и заведующий хозяйством батальона капитан Мозес. Последний был нашим поильцем и кормильцем, серьёзно. Крещёный еврей, он был влюблён в армию, но, увы, там ему быстро припомнили происхождение (небогатый портной, чудом сумевший пропихнуть сына вольноопределяющимся) и несение службы (его отделение, потом взвод стали лучшими в роте, а затем и в батальоне). Курт подобрал его в окружном госпитале, куда нагрянул за партией лекарств. Там он встретил «сосланного» подпоручика с весьма характерной внешностью и забавным акцентом. Переговорив с ним, Мейр поинтересовался, не желает ли тот продолжить службу в рядах корпуса? Владимир, которому всё было понятно с его дальнейшей карьерой, не раздумывал ни секунды. Только от судьбы не уйдёшь, и бомба боевика БУНДа поставила жирный крест на дальнейшей службе. Приговор врачей был

категоричен: не годен. Но уходить в отставку он не захотел и принял вакантное место делопроизводителя по хозяйственной части. После был назначен казначеем, и все чиновники, пытавшиеся нагреть руки на батальоне, получили по своим загребущим лапам так, что повторять никто более не хотел. Правда, за глаза называли Мозеса жидёнком, сказать такое в глаза боялись, поскольку двоих самых смелых, а вернее, самых глупых так отметелили, что все остальные язык стали держать за зубами. Все трое усердно что-то считали и вычерчивали на своих картах.

– Господа офицеры, садитесь, – пригласил Милютин. – Иван Тимофеевич, есть изменения? – указал он на карту Маньчжурии, на которую каждые шесть часов наносит обстановку.

– Нет, Сергей Петрович, хотя должны быть. Хотя в прошлой войне китайцы и показали себя не с лучшей стороны, но и у них, несомненно, были локальные успехи. А потому недооценивать их не стоит.

– Не могу не согласиться с вами. Но и завышать оценку противника не стоит. Напомню, излишняя осторожность тоже не вполне хороша.

– Я вас понял. Вот смотрите, – чуть отодвинувшись, указал он карандашом на окрестности Харбина, – нашими патрулями за последние двое суток обнаружены и уничтожены пять групп китайцев. Четыре из них не представляют интереса, так, расходный материал. Зато последняя оказалась настоящей жемчужиной. Наши азиаты (под ними он подразумевал христиан-китайцев) узнали троих пленных. Те оказались солдатами особенно усердствовавших в погромах христиан нашего старого знакомого – цицикарского губернатора. Допрошенные порознь, они назвали восемнадцатое июня как последний срок готовности войск.

– Что у нас со строительством укреплений? – задал я самый больной вопрос.

Насчёт даты я всё равно сомневался. Наш визави мог специально подставить нам этих идиотов в качестве ложных «языков». Вполне в духе трактата Сунь Цзы, который он, по слухам, держал как настольную книгу.

– Штурм китайских войск выдержат, – чётко, не промедлив ни секунды, ответил Милютин.

– Это хорошо. Плохо другое. Мы ведь заранее обрекаем себя на оборону, а она, как известно, войну не выигрывает.

– Сил у нас мало. На такую территорию необходимо не менее дивизии. – Будучи сугубо профессионалом и большим поклонником Клаузевица, Милютин вздохнул от избытка чувств. – А наши удары силами от взвода до роты, к великому сожалению, не приводят к разгрому мятежников. – С доводами начштаба нельзя не согласиться, действуя как рейдерский, батальон вполне мог разнести противостоящие ему силы. Но только когда он собран в кулак. – Поручик Сергеев вновь отличился, – продолжил Милютин. – Позавчера его рота устроила засаду на банду Лу Ваня и частью перебила, а частью пленила бандитов.

– Очень хорошо. Иван Тимофеевич, – решился я, наконец, переговорить о мучавшем меня вопросе, – вам не кажется, что мы сами можем атаковать неприятеля, не дожидаясь его выступления. Прямо на поездах рывок к Цицикару, и серия ударов по войскам губернатора. Что же касается «боксёров», то они не представляют серьёзной угрозы. Вот набросал я тут на досуге. Это, конечно, не план, так, намётки, но вам теперь, – я выделил интонацией последнее слово, – придётся его разработать к пятнадцатому июня.

– Хорошо, Сергей Петрович.

Хм, когда на милейшего Ивана Трофимовича снисходит благодать в виде приказа подготовить удар всей мощью батальона, он становится чуточку задумчивым и немного рассеянным. Вот и сейчас он постепенно впадает в это знакомое любому офицеру батальона состояние…

– Что у нас с патронами?

Услышав этот вопрос, Мозес достал из лежащей папки лист бумаги и протянул его мне.

– Вот, Сергей Петрович. – Вид его говорил, что сам он оценивает положение как «хоть и плохое, но не катастрофичное». – По три БК – это хорошо, но сейчас мы на пополнение рассчитывать не можем.

– Что с возможностью его пополнения?

Судя по страдальчески изменившемуся лицу капитана, мне стало понятно, что положение наше по боеприпасам отвратительное.

– Необходимо удержать за собой дорогу до Владивостока, дабы иметь возможность проводить операции, используя все преимущества нашей техники, – высказался Мозес.

– Теперь вы, Алексей Аркадьевич, – обратился я к нашему казначею. – Что творится в закромах Родины?

– Хм, – кашлянул тот, стараясь скрыть улыбку. Так его хозяйство ещё никто не называл, весьма остроумно, кстати, надо будет запомнить. – Сергей Петрович, согласно вашему приказу взят под охрану Русско-азиатский банк, вернее, тот барак, в котором он находится. Кроме этого в расположение батальона привезена казна, захваченная в деле при Хулачене. Для имущества и ценностей сапёрной ротой специально построен форт номер пять.

– Места в «Бастилии» достаточно? – уточнил, я, назвав укрепление намертво прилепившимся именем.

– Да, но в свете всё увеличивающегося потока прошу дать разрешение на строительство ещё одного форта. – Миронов, поняв, что командир находится в прекрасном настроении, быстро положил перед ним готовый приказ.

– Хм, ладно, стройте ваш Акатуйский острог, – поставил тот свою подпись. – Кстати, Алексей Аркадьевич, для ускорения работ разрешаю привлекать местное население и платить им за работу подённо. Надеюсь, это подстегнёт их энтузиазм. Приказ о выплате мне на подпись…

Снова дорога, перестук колёс, станции и полустанки. Только теперь всё было иначе, чем когда мы ехали сюда. Вместо торговцев на перронах толпятся беженцы – женщины с детьми, старики. Русские и китайцы, корейцы и японцы (хоть и не много их, а смотри-ка, куда добрались), все они старались уйти от банд «боксёров», ибо нет худшей доли, чем попасть им в руки живыми. Да и солдаты регулярной китайской армии были не лучше. Наши поезда они встречают, словно ангелов Господних, и седые унтеры охранной стражи не скрывают слёз. Не бросили, не выдали, пришли, когда многие уже не рассчитывали на помощь. Видя счастливые лица детей, я вспоминал, как всё

начиналось…

– Господин полковник. – Главный инженер в отчаянии замахал руками. В другой ситуации смотрелось бы комично: склонный к полноте чиновник и поджарый офицер-жандарм. Но повод отнюдь не располагал к веселью. – Вы оставляете город практически беззащитным! А здесь женщины и дети!

– Спасибо, что напомнили. – Безжизненные глаза подполковника смотрели сквозь него, видя что-то недоступное другим. Словно оживший мертвец, он обвёл присутствующих тяжёлым взглядом. – Они остаются в Харбине[11 - В РИ китайские солдаты расстреливали суда с беженцами из ружей и пушек.].

– Но позвольте, – вскочил градоначальник, – как это остаются?! А китайцы?! Вы что же, нас бросаете?! – Он посмотрел на собравшихся, как бы призывая тех образумить новоявленного Наполеона.

Градус напряженности мгновенно подскочил вверх.

– Сядь, где сидел. – Властный голос мигом отрезвил всех. – Вы вызваны сюда не обсуждать что-либо, а исполнять приказы. Кто попробует мутить воду, будет расстрелян на месте без суда и следствия. – Мёртвые глаза снова смотрели на каждого сидящего. Вот теперь никто не сомневался в намерениях жандарма. Этот мог без колебаний претворить в жизнь свои слова. – Приступайте к своим обязанностям.

Собранные чиновники, стараясь не смотреть друг на друга, бочком покидали зал для совещаний.

Для чего мне это понадобилось? А по-другому никто не понимает. Когда я начал формировать дивизион «бронепоездов» (паллиатив, конечно, но противник такого от нас не ждёт), началась любимая игра чиновников – футбол. Вот тут я озверел, всё копившееся раздражение выплеснулось на местных бюрократов. Зато теперь подготовка успешно завершена, этому, кстати, поспособствовали новости о начале похода армии ихэтуаней на Пекин. В городе остаётся рота сапёров без одного взвода части охранной стражи, ополчение, вооружённое, правда, устаревшими берданками (хотя вполне на уровне винтовки), но отлично понимающее, что их ждёт в случае чего, и второй артиллерийский взвод – жаба душила страшно, люто, но с оставленными пушками Харбин не просто не

приступен. Гарнизон вполне мог вести и наступательный бой. Капитан Извольский оставался комендантом гарнизона. С ним Мейр со своими людьми. А пока депо загружено работой, необходимо было раскупорить дорогу в сторону Владивостока.

Станция Ашихе, находящаяся в двадцати километрах от Харбина, стала точкой сбора для китайских войск и групп «боксёров», кружившихся вокруг неё, словно стая волков. Данных по ним не было, только приблизительные подсчёты двух католических миссионеров, непонятно как оказавшихся там и, похоже, шпионивших за работой дороги, но им, кстати, никто не доверял. «Для вящей славы Господней» – этот девиз иезуитов мы помнили крепко[12 - В РИ именно миссионеры стали одной из причин восстания. Они открыто покровительствовали китайцам-христианам, заявляя, что те не подвластны китайскому суду. К 1900 г. китайцев-католиков было от 550 тыс. до 1 млн чел., протестантов – несколько десятков тысяч. А православных ок. 500 чел.]. Хотя на станции и присутствовал отряд охранной стражи, но он только мог охранять сам себя, и если всё оставить как есть, то его придётся отвести, дабы избежать окружения.

Главной целью стал одноимённый город, бывший рассадником ихэтуаней и националистов. План был прост: первая рота Сергеева, усиленная артиллерией, атакует Ашихе, вторая рота поручика Дёмина и третья поручика Меркулова обходят его с флангов, замыкая кольцо. А после следует штурм. Поскольку местный военачальник нас особенно не любил, в мирный вариант (зачистка и арест «боксёров») мы не верили. В резерве оставалась разведрота штабс-капитана Суботина.

Перед началом боёв за Ашихе я нанёс визит командующему охранной стражей. Поздравив того с чином генерала, я изложил ему свой план. К моему удивлению, Гернгросс полностью согласился со мной.

– Действуйте, Сергей Петрович, – произнёс он, напоследок протягивая руку. – А мы вам тыл удержим.

Когда за жандармом закрылась дверь, он вздохнул – нет, о своём вопиющем поступке он не жалел (подполковник рассказывать об этом не станет), просто ему стало обидно. Охранная стража своим жалованьем и выслугой вызывала зависть у армии, а получив генерала, он явно нажил себе тайных завистников. По иронии судьбы он сам оказался в таком же положении, что и жандармы. И

сейчас на пороге войны (по-другому это не назвать) глупость несусветная держаться за предрассудки…

Двумя составами все отобранные части были переброшены поближе к станции. Отправленный в разведку первый взвод без помех соединился с отрядом стражников. По их словам, небольшие шайки ихэтуаней (не более двух десятков) пару раз пытались напасть, но, получив отпор, ретировались. Воспользовавшись беспечностью китайского командования, батальон немедленно начал двигаться в сторону города. Противник наше выдвижение проспал, и когда мы с закрытых позиций стали обстреливать окраины (когда ещё попробуешь такой приём в боевой обстановке?), Сергеев, развернув роту, начал движение к центральным воротам города. Местность нам благоприятствовала: невысокие холмы с зарослями кустарника чередовались с открытым пространством. На одном из них был мой НП, откуда открывался прекрасный обзор, в бинокль были видны многочисленные кумирни.

Первыми на нас бросились ихэтуани, попавшие под обстрел, жившие в лачугах на окраинах города. Не менее двухсот человек обоего пола, вооружённые в основном холодным оружием, буквально выплеснулось навстречу Сергееву. Не знаю, что там им внушили[13 - В РИ ихэтуани верили, что особые упражнения делают их неуязвимыми для оружия европейцев.], но тот километр, разделяющий нас, они бежали, словно на соревнованиях.

Дальнейшее предсказать было не сложно. Сергеев растянул по центру второй взвод первой полуроты, собрав на правом фланге вторую полуроту, которая нацелилась на лежащую впереди гряду холмов. Второй взвод занял низенький холм, что был на левом фланге метрах в ста от позиции первого.

– Взводу из разведроты занять развалины! – отдал я приказ Суботину.

Стоящие отдельно остатки фанз позволяли, закрепившись там, своим огнём не дать скопиться для атаки выходящим из города частям противника. И когда до нашей цепи осталось не более пятисот метров, перед ними шагах в тридцати лёг пристрелочный снаряд, выбросив густой чёрный дым. Спустя десять секунд позади толпы вспухло облако шрапнели. В бинокль было отлично видно, как свинцовые пули скосили не менее полутора десятка мятежников. Капитан Крамаренко сделал всего четыре залпа, после которых уцелело не более сотни, в панике бежавшей обратно. Опустив бинокль, я достал из портсигара папиросу, закурил. Эта бойня была мне неприятна, погибшие, как ни крути, защищали

свою землю.

– Сергееву ускорить движение! – Ротный, по-видимому и сам оценив ситуацию, приказал наступать, не дожидаясь приказа сверху. – Капитану Суботину выделить взвод для зачистки! – Кивнул на разворачивающийся последний акт драмы. Некоторые «боксёры» начали собираться к размахивающему красным флагом знаменосцу, выскочившему из городских ворот. Вместе с ним из них потёк поток людей, украшенных красными повязками.

– Сейчас добьют, – заверил меня Милютин.

Крамаренко дал пару залпов шрапнелью, и перед воротами образовалась груда окровавленных тел, шевелящаяся и пытающаяся расползтись. Приблизившиеся метров на сто пятьдесят, стрелки поставили точку, расстреляв эту группу мятежников.

– А знаете, Иван Тимофеевич, ведь это наш второй шанс. – Видя непонимание на лице капитана, пояснил: – В прошлую войну корпусу просто не повезло. Тогда, как помните, погиб полковник Богомолов, и нашу бригаду расформировали.

– Да, конечно, я тогда, правда, служил в Лифляндии, – живо отозвался тот. – Но к чему, Сергей Петрович, вы это вспомнили? Неужели надеетесь повторно создать данную часть?

– Абсолютно верно, – улыбнулся, заметив скепсис Милютина. – Вы не забудьте, что Я здесь – ГОЛОС императора. А воюем мы с регулярными частями.

– Но китайцы… – протянул он. Мол, какие из них вояки…

– А это не главное. Смотрите, – указал на окраину, где солдаты выкатывали три пушки. – Про «боксёров» никто и не говорит. Вот смотрите.

Крамаренко не дал сделать вражеской батарее ни одного выстрела. Шрапнель, а затем гранаты уничтожили прислугу. Засевшая на стене пехота попробовала было остановить Сергеева. Но скверная подготовка и упавший моральный дух сделали своё дело. Едва стрелки начали отвечать своим огнём, как китайцы стали оставлять позиции. Сначала двое-трое ещё стреляли в нашу сторону, но

после того, как артиллерия накрыла обороняющихся солдат, они в панике побежали.

– Ракета, господин полковник! – едва сдерживая радость, воскликнул поручик Потапов.

Ярко-красная звезда взмыла ввысь и, на мгновение зависнув, стала падать, оставляя за собой дымный след. Это был сигнал для ушедших в обход рот, означавший, что Сергеев вошёл в Ашихе и завязал уличные бои.

– Смотрите, Сергей Петрович. – Милютин указал на крупный отряд правительственных войск, беспорядочно отступавших по дороге мимо стоящих неподалеку трёх полуразрушенных фанз. Тот, кто им командовал, выбрал самый короткий путь из города. – Сейчас должны разведчики их в два огня поставить.

И действительно, когда до спасительных развалин оставалось не более пятисот метров, ударили пулемёты. Четыре «мадсена» и три десятка карабинов за первые десять секунд выбили не менее сотни солдат. Заметавшись, они ещё более усугубили своё положение: подошедшая вторая полурота Демина теперь с комфортом расстреливала окончательно потерявших всякое представление о дисциплине китайцев. Попавший в огневую ловушку противник начал сдаваться, вот несколько офицеров замахали белыми тряпками.

Выстрелы постепенно прекратились, однако к китайцам никто не спешил подходить, поскольку в руках у части отряда ещё были винтовки. Но сначала один, потом второй положили их на землю и подняли руки, это было словно камешек, вызывающий лавину. И вот уже летят на землю винтовки, штыки, подсумки с патронами. Разгром и пленение этого отряда, очевидно, сказались на моральном духе обороняющихся китайцев. Зато освободившаяся после этого вторая полурота закрепилась у уничтоженной вражеской батареи. В бинокль было видно, как противник попытался контратаковать, но вяло, и после непродолжительной перестрелки отступил назад в город. Сергеев, наоборот, получив время спокойно осмотреться, вызвал огонь артиллерии на скапливающихся для атаки «боксёров». Дым от «файера» служил хорошим ориентиром, и после трёх залпов в небо взвилась зелёная ракета.

– Сейчас будет ясно, прав я или нет, – тихо произнёс себе под нос.

– Правы, Сергей Петрович, правы, – успокоил меня Милютин, услышавший мои слова. – Иначе нам уже давно пришлось бы бросать в бой роту Суботина. А может, и остальные отзывать.

Я сжал свой «цейс», хитрая система линз услужливо приблизила ко мне идущий бой. Вот, прижимаясь к стенам, метнулись вперёд фигурки и, ловко держась в мёртвых зонах, оказались у окон фанз. Секунда – и крыша оседает, а из окон валит дым. Дальше я могу только представить, как пулемётчики, пыхтя под тяжестью своего оружия, бегут вперёд. Вот взята на прицел улица, очередь по мелькающим впереди фигуркам… И снова бег, стрельба, гранаты в окна.

На противоположной стороне Ашихе «боксёры» вперемешку с правительственными войсками попытались уйти. Кто-то крикнул страшное слово «Окружили!». И теперь все стараются убраться подальше от этих страшных «белых дьяволов». Жиденькая цепь русских их не испугала, наоборот, они, по-видимому, решили выместить на них свой страх. Строя, дисциплины – уже ничего не существовало. Было только одно желание – добраться до этих колдунов и отомстить за страх, за позор.

Меркулов спокойно подпустил их на четыреста метров, а после тщательно замаскированные пулемёты буквально за минуту выкосили не менее восьмисот человек. Ну а потом стрелки занялись уцелевшими китайцами. Ибо я лично отдал неофициальный приказ, чтобы не предлагали сдаваться.

– Что же, Иван Трофимович, – обратился я к Милютину, который вместе с капитаном Крамаренко осматривал захваченные пушки, – ждёт вас дорога дальняя и казённый интерес. – Увидев неподдельное удивление своего начштаба, пояснил: – Берите роту Суботина, вторую роту Дёмина и, пожалуй, Александра Фёдоровича, – указал я на нашего артиллериста, который чуть ли не облизывал орудия. – Навестите город Ашихе, и если будут попытки нападения, то не церемоньтесь там.

– Слушаюсь…

– Так, Дмитрий Александрович. – Верный адъютант просто светился от радости. Его можно было понять: сколько лет нас откровенно презирают от правящей верхушки до простого обывателя. И тут именно мы смогли переломить ход событий. Не стоит огорчать парня, это его день. – Уточните наши потери.

Раненых и убитых отправить в Харбин. Собрать всё оружие и рассортировать. Пленных держать отдельно. Провести облаву, а то китайские солдаты имеют милую привычку, скинув форму, выдавать себя за гражданских обывателей[14 - Исторический факт.]. Запишите текст телеграммы. – Дождавшись, пока он приготовит блокнот и карандаш, продиктовал: – Начальнику охранной стражи генерал-майору Гернгроссу. Станция и город Ашихе очищен от противника, отряд стражников деблокирован. По показаниям пленных, возможны новые провокации. Все части охранной стражи должны быть готовы отразить нападение китайских войск. Для этого необходимо немедленно построить полевые укрепления с возможностью круговой обороны и подготовить запасы провизии и воды на случай осады. Командир батальона осназа Дроздов. Записали? Зашифровать и отправить немедленно.

«Трость, канотье, я из нэпа», – вспомнилась песня Высоцкого. Мимо проходили пленные солдаты, и головные уборы на них и навеяли легкомысленное настроение. Примерно столько же шляп валялось вместе с владельцами, создавая сюрреалистичную картину. Бродящие среди трупов стрелки собирали оружие и амуницию. Изредка доносились одиночные выстрелы. Китайский гарнизон правительственных войск перестал существовать. В плен попало около трёхсот солдат и офицеров. Живыми нам досталось и командование. Убито в бою не менее пятисот, остальные разбежались, скинув курни[15 - К у р е н ь – верхняя одежда военнослужащего. По ней только и можно было определить, что перед тобой солдат, а не крестьянин.]. Разведчики прочёсывают городок, но всех вряд ли выловят.

Постепенно заполнялся вагон, отданный под перевозку трофеев. А они были значительны. Только пушек было захвачено шесть штук, правда, старенькие С-67, но вполне исправные. Лошади и зарядные ящики достались нам в полной сохранности. Кроме того, было взято почти две сотни винтовок Маузера образца 1884 года с трубчатым магазином и триста винтовок образца 1871 года. Вот однозарядки были, как говорится, «не фонтан». Но оружейные мастера их вытянут. Четыреста карабинов 1871 года были как раз очень даже ничего. Ну и «россыпью» винтовки Пибоди, Энфилд, Лебель. Плюс различное военное имущество. И патроны в большом количестве. Теперь проблема, где взять оружие для ополчения Харбина, была решена.

– Хайлар и Хинган удерживать любой ценой, – ткнул в карту карандашом, с трудом сдерживая гнев. Было видно, что Югович не хотел влезать в сомнительное на его взгляд мероприятие. Начальник охранной стражи, наоборот, был рад, осадное сидение его не прельщало. – Эти станции – ключи, удержим их, и все телодвижения китайских войск будут бесполезны. Противник понимает это не хуже нас…

Всё началось на следующий день после возвращения батальона. Встречали нас толпы простых людей, ликование было, словно вернулись времена последней войны. Тогда эшелоны с войсками забрасывали цветами, служивым совали в вагоны немудреную снедь, угощали втихую бражкой. Только градоначальники Харбина предпочли «не заметить» и сделали вид, что ничего не произошло. А вот охранная стража удивила: сводный взвод, исполнивший роль почётного караула, во главе с офицером для поручений главного начальника штабс-капитана Переверaева, построенный вдоль маршрута движения, ясно показал, что его превосходительство признал нас за своих. Видимо, успех под Ашихе заставил многих задуматься о правильности своих действий. А потому адъютант командующего поручик Глухов передал мне его просьбу, когда я закончу со своими делами, встретиться для совместного разрешения проблемы сохранения КВЖД.

– Что это с ними? – Милютин удивлённо смотрел на меня.

– Сильным будет – признают, – на автомате процитировал я ливонца из «Ивана Грозного». Офицеры, хоть и не были знакомы с картиной, но суть уловили правильно. – Что же, господа, упускать такой момент – непростительная глупость. Иван Трофимович, вы готовы? – Хотя у меня и была грозная бумага, но светить её постоянно не стоило. Могли начать саботировать, причём так, что не подкопаешься, всё согласно букве закона. Сам так делал не раз.

– Да, Сергей Петрович.

– Артемий Сергеевич? – Взгляд направлен на нашего сапёра.

От того, как он сможет укрепить захваченные станции, зависит, по сути, исход операции.

– Готов. – Извольский внутренне ликовал, что наконец-то он сможет проявить себя в войне (ведь из-за этого он и выбрал карьеру военного), но внешне был невозмутим.

– Александр Фёдорович?

– Готов. – Наш «бог войны», получив неожиданно немецкие «Каноне-67», был весь в заботах, формируя из отставных артиллеристов вторую батарею.

– Курт Генрихович? – Его можно было и не спрашивать, но порядок есть порядок.

– Готов…

И вот мы теперь совместно со стражей и железнодорожниками разрабатываем стратегию удержания и сохранения дороги.

– Но китайцы, как вы нам сообщили, нападут на нас. – Главный инженер нервничал. Основным его желанием было сохранить людей, и, по возможности, ценности. Ну а остальное, как Бог даст.

– Да, но сидеть на месте сиднем и ждать непонятно чего запрещаю! – Идти на поводу у шпаков я не собирался. – Сколько у вас людей на этих станциях? – Видя, как он замялся, продолжил: – Не менее двух тысяч. А имущества? Только в Хайларе десять тысяч пудов муки[16 - Исторический факт.], нет уж, извольте зубами вцепиться в землицу и держаться. А то своих людей гробим, а тут противнику продовольствия на полгода оставляем.

– Сергей Петрович, рабочие практически безоружны. – Гернгросс попытался сгладить резкость моих слов.

– Я понимаю трудности путейцев, но не собираюсь входить в их положение. Хватит. – Может быть и резко, но Курт сообщил мне о количестве серебра, находившегося в разных частях КВЖД. – У вас есть средства, на которые можно купить некоторое количество резервного вооружения. Тот же гиринский губернатор вам поставит вполне приличное оружие. В Цицикаре в отделении Русско-азиатского банка сколько денег лежит! Вернее, лежало, теперь считайте, что его уже нет. Да пустили бы часть серебра на закупку ружей, и то больше

пользы было, а так Шоу Шань на наши деньги будет содержать свою личную армию. И ещё, скажите, почему не готовы бронепоезда? – Сразу после возвращения что Курт, что Митрохин положили мне на стол доклады, в которых было чётко сказано, кто виноват в срыве работ. И что характерно, фамилии совпали у обоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Длина всей винтовки – 1234 мм; весит 3895 г. Штык единого с пехотным образца весит 380–385 г.

2

Исторический факт. Карабин появился лишь в 1907 г.

3

Аналог губернатора.

4

Приравнивался к чину вахмистра.

5

Реальный случай, произошедший в 1907 г.

6

Такого чиновника не было.

7

Реальная история.

8

Реальный факт.

9

Реальный факт.

10

В РИ начало русско-китайской войны пришлось на 22 июня 1900 г.

11

В РИ китайские солдаты расстреливали суда с беженцами из ружей и пушек.

12

В РИ именно миссионеры стали одной из причин восстания. Они открыто покровительствовали китайцам-христианам, заявляя, что те не подвластны китайскому суду. К 1900 г. китайцев-католиков было от 550 тыс. до 1 млн чел., протестантов – несколько десятков тысяч. А православных ок. 500 чел.

13

В РИ ихэтуани верили, что особые упражнения делают их неуязвимыми для оружия европейцев.

14

Исторический факт.

15

К у р е н ь – верхняя одежда военнослужащего. По ней только и можно было определить, что перед тобой солдат, а не крестьянин.

16

Исторический факт.

Купить: https://tellnovel.com/salikov_andrey/zhandarm-na-poroge-dvadcatogo-veka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити